

Наталья Лакота

ЖЕМЧУЖИНА
ДРАКОНА

Монашки и драконы

Наталья Лакота

Жемчужина дракона

«Автор»

2025

Лакота Н.

Жемчужина дракона / Н. Лакота — «Автор», 2025 — (Монашки и драконы)

Чтобы вырваться из монастыря, я согласилась заменить кузину и отправилась под чужим именем на смотрины невест для герцога-дракона. Но небеса распорядились по-своему, и вот уже я стала подарком... Подарком особого назначения...

Вторая книга цикла "Монашки и драконы". Первая книга - "Монашка и дракон". Каждая книга читается, как самостоятельное произведение.

© Лакота Н., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1. Подмена девиц	5
Глава 2. Жемчужина побережья	11
Глава 3. Дракон и его семья	18
Глава 4. Праздник по-королевски	24
Глава 5. Секрет раскрыт	30
Глава 6. Подарок особого назначения	36
Глава 7. Подводные течения	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Наталья Лакота

Жемчужина дракона

Глава 1. Подмена девиц

Наверное, три года в монастыре сильно меня изменили, потому что дядя долго смотрел на меня, и взгляд у него был растерянный.

- Магали? – спросил он неуверенно.

- Рада, что вы меня узнали, - ответила я любезно, словно мы встретились не в монастыре святой Чаши, а при дворе короля. – Как поживаете? Как поживает ваша милая жена? А как Изабелла? Надеюсь, с ней все хорошо? Передавайте ей тысячу приветов и поцелуев.

Он уловил насмешку и нахмурился.

- Ты оказалась здесь не по моей воле, а из-за своего отца.

Разумнее было бы гордо и презрительно молчать, а не язвить, но я ничего не могла с собой поделать. Едва увидев этого человека, кровь во мне так и забурилась – от негодования, от злости, от обиды за предательство. Я не могла отомстить дяде – что может сделать монастырская воспитанница, но даже собака, посаженная на цепь, лает. Вот и я не сдержалась и попыталась уколоть дядю хотя бы словесно.

- Конечно, барон де Корн ни при чем. Невинен, как барашек, - сказала я. – Ведь вы даже не подозревали, что ваш родной брат, с которым вы так тесно общались, готовит мятеж, а я в свои шестнадцать лет, само собой, была в курсе всех замыслов по свержению королевской власти. Хорошо хоть, сама не участвовала, иначе монастырем бы не отделалась.

Дядя побагровел и не сразу нашелся, что сказать.

- Что же вы замолчали? – я села в кресло матери-настоятельницы, заставив сестру Цецилию и сестру Матильду, сопровождавших меня, поморщиться. – Потрудитесь сообщить цель вашего визита?

- Прекрати ломать комедию, - сказал дядя сквозь зубы.

- Отчего нет? - спросила я с холодной любезностью. – Здесь так мало развлечений, что немного комедии нам не помешает.

Вошла мать-настоятельница, увидела меня в своем кресле, увидела, как дядя едва не скрежещет зубами, и сразу все поняла.

- Теперь вы понимаете, барон де Корн, - сказала она скорбно, - как нелегко нам приходится с вашей племянницей?

- Сейчас он расплатится от сочувствия, - подсказала я.

Мать-настоятельница сделала знак сестрам, и сестра Цецилия крепкой рукой вытащила меня из кресла. При этом она больно ущипнула меня за плечо. Она всегда щипалась хитро – с вывертом. Это было особенно больно, но я не стала жаловаться, потому что жаловаться было бессмысленно.

- Отец Бертран считает, что девушка одержима, - продолжала мать-настоятельница, - и полгода назад мы начали обряды экзорцизма...

- Но не преуспели, как я вижу, - проворчал дядя. – Дайте мне поговорить с ней наедине.

Мать-настоятельница кивнула сестрам, и они все удалились, а я снова уселась в кресло. Не из вредности, а потому что неделя в карцере не прибавила мне сил, и стоять совсем не хотелось. Хотелось есть, а еще лучше – лечь.

- Отвратительно выглядишь, - сказал дядя без обиняков.

- Чувствую себя еще отвратительнее, - заверила я его. – Но вы же именно этого хотели?

- Я никогда не желал тебе зла.

- Считайте, я вам не поверила.

- Напрасно ты так предвзято ко мне относишься, - дядя придвинул стул и сел напротив.

Я иронично приподняла брови и вежливо поинтересовалась:

- В самом деле, напрасно?

Ожидалось, что сейчас дядя начнет известную песню про то, что он ничего не знал, что он не мог помешать аресту моего отца и не мог спасти меня, потому что доказательств моей невиновности не было, но тут барон де Корн меня удивил.

- Да, я поступил с тобой не очень хорошо. Твой отец сам виноват, что связался с мятежниками, но я не мог сказать, что деньги, обнаруженные в твоей спальне, были моими.

- Не просто вашими, а вашими деньгами для государственного переворота, - напомнила я, удивленная такой откровенностью.

- Это не доказали, - напомнил дядя.

Я попыталась взглядом выразить все, что о нем думаю, но дядя только усмехнулся:

- Ты вправе ненавидеть меня, Магали, но я надеюсь, когда-нибудь ты поймешь, что двигало мною в тот момент. Поймешь и простишь.

- Вами двигала трусость?

- Нет, любовь.

Сегодня был день чудес, несомненно. Я подперла щеку и сказала:

- Боже мой. Уже плакать от умиления?

- Можешь мне не верить, - продолжал дядя, - но в тот момент я думал о своей семье – о баронессе, об Изабелле. Их жизни для меня важнее всего. Я не мог допустить, чтобы они пострадали.

- Вместо этого вы предпочли, чтобы пострадала я.

- Они – моя семья, моя жизнь, - сказал барон. – Когда-нибудь ты поймешь меня. Все разговоры о вселенской справедливости превращаются в ничто, когда речь идет о безопасности тех, кто тебе дорог, кого ты любишь.

- Замечательные слова, - я бурно поаплодировала. – Монахини твердят мне о любви раз по сто на дню. Они бы умерли от счастья, скажи я то, что вы сейчас сказали – наплевать на справедливость, да здравствует любовь!

- Твои манеры по-прежнему оставляют желать лучшего, - сказал дядя, удрученно покачав головой.

- Видите ли, дядя, монастырь – не самое удачное место для улучшения манер.

- Судя по всему, тут тебе не нравится?

- Вы необыкновенно догадливы.

- Могу вытащить тебя отсюда, - дядя перешел на деловой тон, и я мгновенно перестала дурачиться.

Мы некоторое время молчали, буравя друг друга взглядами, а потом я уточнила, стараясь, чтобы вопрос прозвучал как можно небрежнее:

- Вытащить из монастыря?

- Ты необыкновенно догадлива, - подтвердил барон. – Хочешь оказаться на свободе?

- Хочу, - произнесла я одними губами. – Но ведь это не просто так? Не по вашей доброте?

- Ты должна кое-что сделать, - подтвердил дядя.

Я выдохнула, чтобы не согласиться слишком поспешно:

- Кого-то надо убить? О нет, на убийство я не согласна, даже не уговаривайте.

- Ты станешь моей дочерью.

- Что, простите? – мне показалось, что я брежу.

Это был день чудес или день шуток? Я смотрела на дядю настороженно, но лицо его было совершенно серьезным.

- Мне надо, - сказал он, как отчеканил, - чтобы ты притворилась моей дочерью и отправилась на смотрины невест к ди Амато.

Несколько секунд я обдумывала услышанное, а потом переспросила:

- Отправиться к герцогу ди Амато вместо Изабеллы?

- Точно, - кивнул дядя. - Провалишь испытание, вернешься – и свободна.

- Свободна без титула, денег и родовых земель? – уточнила я, подавив желание сразу крикнуть «да!». – Сомнительная сделка.

- Без титула, но с некой суммой на расходы и деревней Юнавир.

- Где лавандовые поля? – уточнила я.

- Они самые, - подтвердил дядя.

- Только притвориться Изабеллой, провалить смотрины – и все? А если ди Амато выберет меня?

Дядя усмехнулся так, что я возненавидела его еще сильнее, чем ненавидела за предательство.

- Считаете меня такой уж уродкой? – холодно произнесла я.

- Нет, не считаю, - дядя откинулся на спинку стула, достав часы на цепочке и посмотрев время. Судя по довольному виду, он уже понял, что я согласна. – Но драконы любят девиц милых, покорных, нежных. Вряд ли это о тебе.

- Так ди Амато – драконы?

- Король Рихард раздает титулы своим родственникам. Сейчас каждый герцог в этой стране – дракон.

- И вы отправляете меня – дочь мятежника, в логово захватчиков? – я забарабанила пальцами по подлокотнику кресла. – Если узнают, вам не поздоровится.

- Если ты не скажешь, то никто не узнает, - обрадовал меня дядя. – Изабелла ни разу не была при дворе. Я исправил ей метрики, теперь она Клер-Изабелла. Младшая дочь, только и всего. А Изабелла де Корн вернется со смотрин и... умрет. Например, от разочарования, что молодой ди Амато ее отверг.

- Так он молодой? – спросила я, хотя это было совершенно не важно. – Всем драконам лет по сто, по-моему.

- Старый ди Амато умер, - пояснил дядя. – Титул наследовал его сын – Ланчетто. Ему всего двадцать пять. Красавец, богач, любимец короля, завидный жених.

- Значит, Изабелла вернется домой и умрет, - сказала я медленно, не сводя с дяди глаз. – А вместо нее появится Магали, которой вы отдадите в пользование Юнавир...

- Мы же родственники, - сказал барон, - и должны помогать друг другу.

- Услуга за услугу – это очень по-родственному, - согласилась я.

- Значит, условия приняты? – он чуть подался вперед и взглянул на меня из-под ресниц.

- Конечно, дядя, - улыбнулась я ему.

Он отправился разговаривать с настоятельницей, а я все сидела в ее кресле, обдумывая предложение о подмене. С одной стороны все выглядит замечательно – дядя не хочет отдавать Изабеллу драконам. И в самом деле, она для них слишком хороша. Я воскресила в памяти облик кузины – настоящий ангел, златокудрый и голубоглазый, с лицом нежным, как роза. На такую драконы бросились бы, как стервятники на тухлое мясо. Я не так красива, как Изабелла, не так изящна, и совсем не нежна – вряд ли герцог влюбится в меня, едва увидев. Я проваливаю испытания, возвращаюсь к дяде и... Деревня Юнавир и свобода, Магали!

Лавандовые поля приносили хороший доход. Когда-то они были моим приданым, но после суда над отцом все земли были переданы барону де Корну – моему дяде. Отца вместе с организаторами переворота казнили, меня лишили состояния и привилегий и отправили в монастырь. А дядя сумел выйти сухим из воды...

Конечно же, я ничего не знала о делах отца. Мой папа тоже любил меня. Не меньше, чем дядя Изабеллу, и не пожелал впутывать меня в опасные дела. Но и я оказалась слишком беспечной – слишком радовалась жизни, была слишком слепа, а ведь можно было хоть о чем-то догадаться... Пойми я, что тогда происходит, может и смогла остановить отца от безрассудства, и он был бы жив...

А дядя... Именно он свидетельствовал на суде против отца, доказывая, что сам не был причастен к делам мятежников против короны. И ему и правда все сошло с рук, в то время как отца вместе с другими замешанными лордами казнили, земли конфисковали, а домочадцев кого отправили в ссылку, кого – в монастырь. Мне повезло меньше, и я находилась в монастыре уже три года, и это заключение было похуже королевских казематов, где мне тоже пришлось побывать – провести там два месяца, каждый день сходя с ума от страха и голода.

Дядя вернулся вместе с настоятельницей, и та кисло улыбнулась, пожелав мне удачи в мирской жизни.

- Вы правы, барон, - сказала настоятельница чопорно, - за все это время я не увидела у вашей племянницы расположения к монашеству. Поэтому лучше поручить ее небесам и вам. Я буду молиться за вас, дитя мое, - она перекрестила меня и поцеловала в макушку с таким видом, будто прикасалась к адскому пламени.

- Уверена, именно ваши молитвы, матушка, будут хранить меня вне этих святых стен, - подыграла я ей.

Старая перечница не осталась в долгу:

- Главное, чтобы ваш язычок не перебил благодать моих молитв, - сказала она.

Невозможно передать, какое счастье я испытала, оказавшись за воротами монастыря. Солнце щедро поливало все вокруг жаркими лучами. И зелень вокруг была буйной, словно морские волны. Я не пожелала сидеть в карете и ехала в седле, с наслаждением вдыхая запахи леса, ветра, цветов. Это были запахи свободы!

Три года в монастыре – как я не сошла с ума? Как я это выдержала? Я вспомнила вонючий карцер, черный хлеб пополам с опилками, обряды по изгнанию бесов, во время которых мне приходилось стоять неподвижно много часов, держа на голове бадейку со святой водой, и стоило пролить хоть каплю, как сестра Цецилия била меня толстым прутом по голым икрам. Если бы я тогда не упрямилась, если бы сразу приняла постриг – никто бы меня и пальцем не тронул, так обещала настоятельница. Но я не жалела о своем упрямстве, и сейчас особенно радовалась, что смогла проявить твердость и не уступить. Потому что все это – лес, небо, солнце, весна – все это стоило монастырских мучений. Потому что именно это было жизнью, а я хотела жить, а не похоронить себя заживо под монастырским покрывалом.

Дядя ехал рядом со мной, стремя в стремя и рассказывал о новостях за последние три года.

Но за период моего заточения, ничего не изменилось. Драконы правили, люди им подчинялись, мятежники преследовались – все шло своим чередом.

- Отправишься в дорогу через неделю, - перешел барон непосредственно к нашему договору. – Отправил бы тебя завтра, да тебя надо отмыть и превратить в подобие благородной девушки. Рад, что они не обрезали тебе волосы.

Я тоже была этому рада. За свою шевелюру мне пришлось повоевать. Один раз я даже оборонялась от монахинь лавкой, когда мать-настоятельница приказала подстричь меня насильно. Она считала, что длинные волосы – уже источник соблазна и греха, а уж рыжие – верный знак вмешательства дьявола. Перед дорогой мне предложили помыться, но я не пожелала проводить в монастыре еще хоть час, и теперь прекрасно осознавала, что выгляжу, как пугало. Но пусть пугало – зато свободное.

До замка дяди мы добрались за три дня, и на первом же постоялом дворе я вымылась и впервые за последние годы оставила волосы непокрытыми. Дядя, увидев меня, одобрительно хмыкнул.

- Вид товарный? – спросила я. – Покупатели не заметят подмены?

- Не понимаю, почему твой отец был против драконов, - ответил дядя. – По мне, вы с ними одной породы – жалите ядовито.

Баронесса встретила меня с таким радушием, словно Изабелла была смертельно больна, а я привезла лекарство из святой земли. Сама Изабелла – вернее, теперь Клэр-Изабелла, не показывалась.

- Она так перепугалась, когда принесли приглашение, - поверяла мне баронесса, показывая отведенные мне комнаты, - что до сих пор не встает с постели. Мы все так благодарны тебе, что согласилась помочь...

- Мы же родня, - сказала я, разглядывая себя в зеркало.

За три года я почти позабыла, как выгляжу. И то, что показало мне зеркало, поразило меня. Я помнила смешливую рыжую девчонку – с мягкими чертами лица, с россыпью веснушек на вздернутом, совсем не аристократичном носу, а теперь передо мной была взрослая женщина. Нет, девушка, конечно, но никто не дал бы мне мои девятнадцать лет. И дело не в морщинах или седых волосках – их не было. Зато выражение лица сейчас было вовсе не смешливое, и в глазах не было прежнего веселья. Девушка в зеркале смотрела настороженно, и глаза ее мрачно поблескивали. Эти глаза просто не могли принадлежать юной девушке. И монахине они тоже не могли принадлежать. Такие глаза могли быть только у зверя, который побывал в плену и не доверяет больше никому, кроме себя, а еще у мятежницы...

Я попыталась разрушить этот образ, улыбнувшись отражению. Мне совсем не хотелось быть мятежницей. Хватило папиной жертвы – бесполезной, никому не нужной. Драконы, люди, небеса – какая разница, кто нами управляет? Я не хочу ничего знать об этом. Хочу лишь свободы, хочу, чтобы никто не вмешивался в мою жизнь, хочу... хочу жить на краю лавандового поля, подальше ото всех интриг и заговоров.

- Тут десять платьев, чтобы была перемена на каждый день, - тараторила баронесса, и мне пришлось посмотреть на наряды, что она приготовила. – Я подобрала сиреневые и зеленые, но сейчас думаю, что лучше взять желтые. Волосы у тебя потемнели, не такие яркие, как были раньше. Сиреневый тут не подойдет.

«Не все ли равно, во что наряжать невесту, которая должна заведомо провалиться?» - подумала я, но возражать не стала. Мне не терпелось примерить новое платье, надеть батистовое белье, хотелось поскорее избавиться от монастырских тряпок и забыть о последних трех годах, как о страшном сне.

Неделю я только и делала, что валялась на диване, ела разные вкусности – сначала понемногу, под присмотром врача, чтобы не получить расстройство желудка, гуляла по саду, с наслаждением вдыхая запахи весны, примеряла платья, чтобы портнихи могли подогнать их по моей фигуре, и спала столько, сколько мне хотелось, хотя первые четыре ночи я, как заколдованная, открывала глаза ровно в четыре часа – это было время утренней молитвы.

В одно из таких пробуждений я поняла, что нахожусь в спальне не одна. Кто-то на цыпочках прошел от порога к кровати, приподнял полог, посветив свечой. Я не шелохнулась, но посмотрела из-под ресниц. Это была баронесса. Она сразу же опустила полог, и я услышала легкие шаги к двери. Пришла ночью, чтобы посмотреть на меня? Странная женщина.

Понуднее устроившись на подушке, я хотела спать дальше, но тут из коридора послышались тихие голоса, которые я узнала сразу – дядя шептался с женой. Дверь в спальню была прикрыта неплотно, и я расслышала, как он спросил, что баронессе нужно в моей спальне.

- Простите, - пробормотала она, - я всего лишь хотела убедиться, что она не сбежала.

- Куда ей бежать? – грубовато сказал дядя. – А вы своим беспокойством только все испортите. Идите к себе, немедленно!

- Ах, Арман, я ужасно боюсь! – вдруг расплакалась она.

Сон пропал, и я села в постели, высунув голову из-за полога, чтобы лучше слышать. Баронесса так переживала за меня? Даже не думала, что у этой женщины такое чувствительное сердце.

- А вдруг она ему понравится, и он решит на ней жениться? – всхлипывая спросила баронесса. – Вдруг обман раскроется?

- Все будет хорошо, – успокоил ее дядя, и голос его сейчас звучал гораздо добрее – почти ласково. – На смотрины придет дочь графа Божоле, она первая красавица королевства, а приданого за ней – целое графство, плюс портовый город. Амато точно выберет ее.

Шепот их стал тише, а потом где-то далеко стукнула дверь. Я рухнула на подушку, укрываясь одеялом – мягким, пуховым, легким и теплым. Какое наслаждение спать под таким!..

Пусть приезжает девица Божоле, пусть приезжают хоть все красавицы мира. Мне не нужен никакой Амато, с меня достаточно Юнавира, каменного дома на краю лавандового поля, достаточно ветра и свободы. Герцога пусть оставят себе. Стать герцогиней – все равно, что попасть в клетку, почище монастыря.

С этими мыслями я и уснула, а еще через день мне предстояло отправиться в Анжер – резиденцию ди Амато. Тетя вышла проводить меня, и впервые появилась Изабелла. Она и в самом деле выглядела испуганной и больной. Она подошла ко мне и расплакалась, хотя очень пыталась скрыть слезы. В детстве мы не особенно ладили, я считала ее неженкой, маменькиной дочкой, и часто задирала и дразнила, а она беззастенчиво ябедничала на меня. Но теперь я обняла ее и сказала ободряюще:

- Ну же, Клэр-Изабелла, утрите слезы. Можно подумать, это вас отправляют драконам.

Она приникла ко мне, расцеловала в обе щеки, и я удивилась такой сердечности, а кузина сказала:

- Желаю вам удачи, моя дорогая сестра. Желаю вам покорить сердце герцога, стать его женой и никогда больше сюда не возвращаться.

- Изабелла! – шикнула на нее мать и тут же поправилась: - Клэр-Изабелла!

Лицо дяди было непроницаемым, как маска, и на выходку дочери он не ответил, но я заметила, как затрепетали его ноздри.

Пожелание было лишено деликатности и неприятно меня удивило, но я не подала вида. Пусть Изабелла болтает, что хочет. Я села в карету, на мне было новенькое бледно-желтое платье, а мыслями я была уже на лавандовом поле. Если ветер бежит по нему от края до края, то кажется, словно морская волна нахлынула на тебя. Лаванда цветет с середины июня до августа. И я с середины июня до августа буду каждый день гулять по лавандовому полю, представляя, что это море.

Дядя закрыл дверцу кареты, дал знак передовому, и наш караван отправился на юг, в земли ди Амато.

Глава 2. Жемчужина побережья

Путешествие запомнилось мне, как сплошной праздник. После монастыря я радовалась всему, что видела – и цветам, которыми торговали румяные девицы на обочинах, и ранним фруктам, которые вилланы разносили в корзинах, и зелени деревьев, и синеве неба. Погода стояла чудесной – ясной, но не жаркой, и воздух по мере нашего удаления на юг становился все душистее, все медовой. Постепенно пшеничные поля сменили поля подсолнечника, а в говоре вилланов стали проскальзывать незнакомые гортанные нотки. По вечерам кто-нибудь из местных жителей играл на гитаре и пел, а однажды я увидела, как пляшут цыганки – черные, словно головешки, наряженные в разноцветные платья в крупный горох.

Это была жизнь, хоть и отличавшаяся от нашей. Настоящая жизнь, а не прозябание в темной сырости монастыря.

Я упивалась всем этим – звуками, видами, запахами, и старалась не обращать внимания на дядю, который посматривал на меня настороженно. Наверное, думал, что я обязательно совершу какую-нибудь глупость. Но глупости я решила приберечь для смотрин. А пока достаточно просто радоваться, просто быть счастливой.

Ди Амато жили в городе на побережье. Я слышала об этом, но не представляла, что «на побережье» – это когда море плещется рядом. В один прекрасный день перед нами раскинулась необъятная синь до самого горизонта. Я впервые видела море и тут же потребовала остановить карету. С холма, на который мы только что забрались, открывался вид на изумрудную равнину, где раскинулся Анжер с белыми, как сахар, крепостными стенами, и розовыми крышами, а дальше все было синим, бирюзовым, голубым...

Я чувствовала солоноватый влажный запах, и упивалась ветром, который дул прямо в лицо – упругий, освежающий, как самое лучшее питье.

Дядя был недоволен задержкой – он хмурился, но ничего мне не сказал, и я позволила себе в полной мере насладиться и видом, и запахом этого благодатного края.

Нас обогнал другой караван – более пышный, чем эскорт дяди. Центральная карета была позолоченной, и везли ее шесть лошадей, а не четыре, как у нас. Окошечко приоткрылось, и я увидела самое прелестное и нежное девичье лицо, какое только можно вообразить. Золотистые локоны были уложены волосок к волоску, и огромные глаза смотрели так невинно, а розовое платье походило на наряд феи Титании, словно сотканное из лепестков роз и крыльев бабочек. Мы все проводили карету взглядом, а дядя сказал:

- Дочка графа Божоле.
- И в самом деле красавица, - сказала я. – Если ди Амато не слепой, он точно выберет ее.
- Поедем, - буркнул дядя.

Я вернулась в карету, чувствуя легкое разочарование. Конечно, состязание с такой красавицей проиграно заведомо. Тем более, если за ней дают графство с портовым городом. Анжер и Божоле почти рядом – наверняка, семьи захотят породниться. Это к лучшему. Я встряхнула головой, прогоняя нечаянный соблазн – на секунду мне захотелось остаться здесь, в этом разноцветном радостном крае, на берегу моря. Но нет, лавандовые поля, все-таки, лучше моря. В них нельзя утонуть.

Мы прибыли в город и долго кружили улочками, прежде чем отыскали гостинный двор. Дядя отправился договариваться насчет комнат, а я смотрела из окна кареты, наблюдая за деловитыми горожанами, за торговками зеленью, что несли свой товар в плоских корзинах, поставив их на голову. Все здесь было непохожим на наши края, но совершенно все было чудесным. Интересно, сколько продлится выбор невест? Я не отказалась бы пожить здесь подольше. Нас не всегда будут держать перед ясными очами герцога, наверняка, выдастся минутка сбегать на побережье, чтобы посмотреть, какое оно вблизи.

Внимание мое привлекла женщина – очень красивая, высокая, с волосами черными, как уголь. Вопреки правилам, женщина была одета по-мужски – в приталенную безрукавку, белоснежную рубашку и мешковатые штаны. Сапоги у нее были щеголеватые – из черной кожи, начищенные до блеска. Я смотрела на нее с завистью и восхищением – сама я даже при вольной жизни у отца ни разу не осмелилась надеть мужскую одежду, хотя очень хотелось прокатиться в мужском седле.

Женщина о чем-то разговаривала с торговкой травами, а потом протянула ей увесистый кошелек. Торговка схватила кошелек, и он исчез в ворохе трав, будто канул в воду. Перевооружив пучки свежей зелени, торговка ловко, как площадный фокусник, достала пучок сухих былинков и протянула женщине в мужском костюме. И теперь уже женщина с ловкостью фокусника спрятала траву в поясной кошелек и пошла вниз по улице неторопливой, гибкой походкой.

Я смотрела женщине вслед, пока не примчался дядя. Он выглядел таким испуганным, словно за ним гналась стая драконов.

- Все претендентки уже приехали, - сказал он, вытирая пот со лба, - оставим вещи здесь, а сами пойдем во дворец. Не хочу быть последним!

Я ничего не имела против, и мы отправились в сопровождении двух слуг засвидетельствовать свое почтение ди Амато. Сначала дядя хотел ехать верхом, но улочки в городе были такими узкими, что пришлось отказаться от этой затеи. Но меня это даже обрадовало. Я готова была часами бродить по этому чудесному городу, где из каждого окна доносился аромат кофе, а детвора уплетала апельсины, бросаясь друг в друга оранжевыми шкурками.

Мне страшно хотелось апельсинов, и кофе с корицей, и еще печенья, что продавала у фонтана породная дама, облаченная в ярко-красное платье и чепец с оборками невероятного размера, которые трепетали, как паруса. Но дядя тащил меня за собой и бледнел все больше.

Дворец ди Амато располагался в центре города – на зеленом холме, поросшем оливами и апельсиновыми деревьями. Мы предъявили приглашение, и нас пропустили за ажурные металлические ворота. Слуги были наряжены в оранжевые и желтые ливреи, и сами походили на солнечные апельсины.

Дворец мог бы принадлежать королеве фей – белоснежный, с тонкими колоннами и треугольной крышей. Он казался легким, как облако, и розы пышно оплетали его, карабкаясь к балконным балюстрадам.

- Ваше имя? – спросил нас на входе мажордом. Сам он был в черном камзоле, но в петлице красовалась двухцветная лента – желтая с оранжевым, цвета дома ди Амато.

- Барон де Корн, - важно назвал дядя, - а это – моя дочь, Изабелла де Корн. Вот наше приглашение.

Он долго изучал послание, подписанное королем Рихардом, а потом с поклоном предложил мне и дяде следовать за ним.

Я и подумать не могла, что на свете существует такое великолепие. Словно во сне я рассматривала внутреннее убранство дворца – занавеси, легкие, как дуновение ветра, золотистую мозаику на стенах и полу, прекрасные античные статуи и вазы – на всем была печать прекрасного вкуса и баснословного богатства. Кем бы ни были драконы, в красоте они понимали толк, и это не могло меня не восхитить.

- Здесь чудесно, - сказала я вполголоса, но эхо подхватило мои слова, и дядя свирепо посмотрел, призывая к тишине.

Но мажордом оглянулся и кивнул мне через плечо:

- Юная леди права, - сказал он. – Замок в Анжере – настоящая жемчужина побережья.

Дядя осклабился, изображая улыбку, но едва мажордом отвернулся – улыбаться перестал и пошел дальше, втянув голову в плечи. Я даже посочувствовала ему, догадавшись, что он боится разоблачения. Но меня это не пугало. Красота этого места уничтожила все тревоги.

Наверное, в этих краях люди только веселятся и радуются жизни, и никакие заботы и печали не омрачают этого веселья.

Зазевавшись, я не заметила, как навстречу нам появилась девица Божоле в сопровождении важного господина. Я увидела их только тогда, когда мы с девицей столкнулись в дверном проеме. Она уже успела переодеться, и теперь на ней было голубое платье, выгодно оттенявшее цвет глаз. Я наступила на подол этого прекрасного платья, и незабудки, приколотые к лифу, смялись.

- Простите... - я поспешно отступила и получила взгляд, полный самого великолепного бешенства.

- Смотрите, куда идете! – прошипел голубоглазый ангел в девичьей плоти, и тонкой белой ручкой сорвал смятый букетик. – Отец! Она нарочно толкнула меня.

- Прошу прощения, - извинилась я еще раз. – Все произошло лишь по моему невниманию, но без умысла.

Граф Божоле смерил меня взглядом, в то время как дядя раскланялся, рассыпавшись в извинениях по поводу моей неловкости. Извинения милостиво были приняты, и отец с дочерью удалились. Причем леди Анна сказала вполголоса, обращаясь к отцу:

- Даже не переоделись перед визитом...

- Мы и в самом деле явились сюда, как провинциальные неряхи, - сказала я дяде, когда мажордом сделал нам знак следовать за ним дальше.

- Это неважно, - пробормотал дядя.

- Вам виднее, - пожала я плечами.

Мы прошли полутемный прохладный коридор и вышли на открытую террасу, увитую зелеными плетями какого-то южного растения.

- Соблаговолите подождать здесь, - попросил мажордом с таким апломбом, что мы с дядей сразу почувствовали себя нищими, просящими милостыню. – Я доложу о вас.

- Здесь чудесно, - сказала я, когда мажордом удалился. – Действительно, жемчужина, а не дворец. Драконы умеют украшать свою жизнь. Говорят, притягивать богатство и красоту – это одна из драконьих сущностей.

Дядя что-то пробормотал, но любоваться окрестностями, судя по всему, ему не хотелось. А я с удовольствием поставила локти на перила и наслаждалась замечательным видом с балкона. Отсюда виднелся краешек города – белоснежные стены домов, красная черепица крыш, а за ними плескалось ласковое, как котенок море. Только почему-то в безбрежной синеве я не увидела ни кораблей, ни лодок, лишь одинокая скала темнела вдали, как черный парус.

- Сколько мы здесь пробудем? – спросила я. – Надеюсь, мне позволят посетить побережье?

Дядя покачал головой, глядя в пол.

- Считайте, что это мое условие, - сказала я сухо. – Я хочу увидеть море вблизи.

От пререканий по этому поводу дядю избавил мажордом, который как раз появился.

- Милорд де Корн, можете войти, а девушка пусть подождет, - объявил он.

Дядя одернул камзол, пригладил волосы и шагнул следом за мажордомом. Дверь закрылась, и я осталась одна.

Но одиночество меня ничуть не огорчило. Я бы не стала возражать, если бы официальная часть прошла без моего участия. Пусть дядя засвидетельствует почтение герцогу и прочая, и прочая, а я с большим удовольствием провела бы время на этом балконе.

Перила были достаточно широкие, чтобы сесть на них, как на скамейку, и я сразу же позволила себе это удовольствие.

К сожалению, ни к чему хорошему это не привело, потому что я нечаянно толкнула цветочный горшок, стоявший на перилах и скрытый пышными зарослями цветов. Горшок полетел

с балкона, подобно ядру, пущенному из катапульты, и я не успела его поймать, схватив лишь пустоту.

Хуже всего, что внизу как раз кто-то проходил – я увидела две черноволосые макушки, когда перегнулась через перила, и я не смогла даже крикнуть, чтобы предупредить об опасности – язык словно приморозило к небу.

Но горшок вдруг взорвался, разлетевшись красноватыми осколками и комьями земли, а алые цветы, описав дугу, свалились в маленький фонтан в виде ракушки.

Двое, что как раз проходили под балконом, метнулись в сторону слаженным движением – будто в танце, и один бережно придержал другого, не позволив ему упасть. Этот первый вскинул голову, глядя на балкон.

Это оказалась та самая женщина в мужском костюме, которую я видела покупавшей травы у уличной торговки. Женщина смотрела на меня свирепо, левой рукой обнимая мужчину в черном камзоле, и держа в правой меч – им она успела разбить цветочный горшок в воздухе, не допустив удара.

- Что за шутки?! – воскликнула она гневно.

- Прошу простить, это нечаянно... - заверила я ее, перепугавшись по-настоящему. Ведь швырнуть цветочный горшок на голову – это не то что наступить на подол леди Божоле. – Простите великодушно, госпожа... господин... я не заметила вас...

- А если бы заметили?! – вскипела она.

- Тише, Милдрют, - остановил ее мужчина, и голос у него был мягким, мелодичным, вовсе не гневным. – Это была случайность, не будем поднимать шума.

- Случайность?! – Милдрют направила на меня острое клинка. – Вот эта чуть не ранила вас!..

- Но я отделался легким испугом, - пошутил мужчина. – Благодаря тебе, как всегда.

- Вы весь в земле, господин, - произнесла Милдрют дрожащим голосом, - ваши волосы...

- От этого точно не умирают, - пошутил мужчина и встал, опустив руки, позволив Милдрют отряхнуть его.

Волосы у него были длинными, черными и блестящими. Я поежилась, представив, сколько туда набилось сора и земли. Милдрют убрала меч в ножны, но бросала на меня злобные взгляды, все время, пока хлопотала вокруг своего спутника, и я предпочла отойти от перилец, чтобы не натворить еще какой беды. Выглянул дядя и позвал меня, замахав рукой.

Оглянувшись на пострадавшую от меня пару, я еще раз пробормотала извинения, и юркнула в приоткрытые двери.

- Болтовни поменьше, побольше учтивости, - прошептал дядя, схватив меня за руку в полумраке прихожей, - но не перестарайся.

Отвечать не потребовалось, потому что в этот самый момент мажордом торжественно приподнял штору, отделявшую прихожую от основного зала, и мы с дядей вошли в комнату, залитую солнечным светом.

В креслах у круглого столика, на котором стояли чаши с фруктами и пирожными, сидели двое – женщина и мужчина. Женщине было лет сорок или чуть больше, и она была красива яркой, южной красотой, и темно-красное платье делало ее еще ярче. Пусть лицо женщины уже носило печать увядания, но глаза были блестящими, а брови и волосы – черными, словно уголь. Она улыбалась, и приветствовала нас радушным кивком, а мужчина поднялся нам на встречу, кланяясь и указывая на мягкие пуфики, предлагая присесть.

- Леди де Корн, счастлива видеть вас, - сказала женщина глубоким, низким голосом. – Вы очаровательны! Познакомьтесь с моим сыном – Ланчетто ди Амато, герцог ди Амато, - она царственно указала на мужчину, и тот поклонился еще раз, разглядывая меня с любопытством.

Так вот какие драконы? И совсем не страшные. Я слышала рассказы о том, как одним своим видом драконы подавляют человеческую волю. Говорили, что их взгляд, речь – все это

несет в себе скрытую угрозу, и человеческое сердце трепещет, чувствуя ее, хотя разум еще не опознал опасности.

Вот ведь врал.

Я ответила герцогу не менее любопытным и внимательным взглядом, пока не спохватилась, когда дядя незаметно ущипнул меня за локоть. Ущипнул так же больно, с вывертом, как и сестра Цецилия. Только тогда я опустила глаза, но и нескольких секунд мне хватило, чтобы рассмотреть герцога.

Он был молод и красив – смуглый, черноволосый, черноглазый, очень широк в плечах и очень высок ростом. Все в нем так и кричало о силе, молодом задоре, о том, что он и есть баловень судьбы.

- Благодарю, что удостоили нас такой чести, леди Ромильда, - сказал дядя, и голос его зажурчал ручейком. – Признаться, мы с Изабеллой были потрясены, получив королевское приглашение. Даже не знаю, чем мы заслужили подобную милость...

- Изабелла, - повторила леди Ромильда, и я мило улыбнулась и сделала короткий поклон, - красивое имя, и очень вам подходит, моя дорогая. Но присаживайтесь! Хотите освежиться фруктами или лимонадом? А может, сладости?

Сладостей я не пожелала, но с удовольствием пригубила ледяной напиток из серебряного бокала. Бокал запотел, и было огромным удовольствием держать его в руках, наслаждаясь прохладой в этом горячем крае. Усевшись на пуфик, я слушала, как леди Ромильда и дядя изощряются в любезностях, и посматривала на герцога. Не знаю, как насчет того, что имя «Изабелла» подходило мне, но имя «Ланчетто» - отважного рыцаря из баллад - подходило герцогу идеально. Он тоже посматривал на меня, украдкой улыбаясь, и, заметив мой взгляд, протянул мне яблоко – не на блюде, а просто держа его в руке. Когда я взяла фрукт, то герцог легко коснулся моего запястья, погладив его с такой нежной сноровкой, что я сразу поняла – он проделывает это по сто раз на дню.

Яблоко я приняла, но смущаться от прикосновения не пожелала, а только посмотрела на герцога и покачала головой, показывая, что это было лишним. Он усмехнулся и откинулся на спинку кресла, продолжая разглядывать меня и медленно потирая большим пальцем подбородок, нижнюю губу и опять подбородок.

Извечные мужские жесты соблазнения. «Красивое животное», - подумала я. Знает свою силу, и бесстыдно пользуется ею. Ведь все это действует – и взгляды, и полунамеки. Женщины теряют головы и из-за меньшего. Возможно, я бы тоже потеряла... встретить такого зверя года три назад.

Дядя и вдовствующая герцогиня были увлечены беседой, и Ланчетто ди Амато продолжил игру. Он закусил губу, рассматривая меня с ног до головы, и остановил взгляд на вырезе моего платья. Вырез был не слишком глубокий, но я на мгновение прикрыла его рукой, показывая, что пристальное внимание мне неприятно, а потом взяла со стола нож для фруктов.

Разрезая ножом яблоко, я подумала, что нравы в этом городе весьма вольные, если даже герцог ведет себя, как мальчишка на площади во время праздника. И то, как он смотрит на меня, словно раздевая взглядом и оценивая формы – это было... противно. Если не сказать – омерзительно.

- Мы решили не устраивать никаких испытаний, - сказала между тем леди Ромильда. – К чему это, если девушки выше всех похвал!

- Не будет испытаний? – лицо дяди вытянулось.

- Ланчетто сам выберет невесту, - торжественно подтвердила вдовствующая герцогиня.

- Пусть у молодых сердец все произойдет по любви и согласию.

- Вы совершенно правы, - пробормотал дядя.

Я угадала его страх. Предполагалось, что я провалю все испытания – например, покажу, что недостаточно грамотна, не умею вышивать или кланяюсь недостаточно изящно, а тут все

будет зависеть от воли герцога. Посмотрев на Ланчетто, я сдержанно улыбнулась. Несмотря на миловидность, жених нравился мне все меньше и меньше. Я отметила, что губы у него слишком уж пухлые – наверняка, признак развращенной натуры, а подбородок самую чуточку мал – а это указывает на недостаток воли. И в самом деле – животное. Наверняка, еще и привык ни в чем не встречать отказа.

В монастыре от скуки мною было прочитано много книг. В большинстве своем они были философскими размышлениями о суетности мира и нагоняли тоску. Но были и другие. Например, книга древнего автора о том, как распознавать характер человека по лицу. Она необыкновенно занимала меня, и я развлекалась тем, что пыталась читать характеры по лицам монахинь. Не всегда лицо отражало истинную суть, но чаще всего автор оказывался прав. Вот и сейчас – не случится ли так, что герцог окажется вовсе не благородным рыцарем, а... совсем неблагородным?

- Вы так необыкновенно серьезны, леди Изабелла, - обратилась ко мне мать дракона. - Вероятно, устали с дороги? Смею надеяться, что причина не в том, что вам здесь не понравилось?

- Что вы, госпожа, как здесь может не понравиться? - ответила я учтиво. - На мой взгляд, ваш замок – самое чудесное место на свете. Просто я только что из монастыря, и мне трудно так быстро настроиться на мирской лад.

- Из монастыря? - леди Ромильда удивленно распахнула глаза.

- Последние три года я жила в монастыре святой Чаши, - ответила я, молитвенно сложив ладони.

Дядя заерзал на мягкой подушке, но ничего не сказал.

- Восхищаюсь вашим благочестием, - сказала леди Ромильда. - В прошлом году я отправляла в монастырь святой Чаши новые покровы...

- Вышитые жемчугом, - подхватила я. - Они великолепны, госпожа герцогиня. Мать Вероника-Виктория бережет их для особых случаев.

Я поймала взгляд Ланчетто. Он насмешливо вскинул брови, а я выпрямилась и чопорно поджала губы. Пусть будет так. Я – девица из монастыря. Благочестивый сухарь, думаю только о молитвах и замаливании грехов. Герцогу, привыкшему флиртовать, такая невеста точно не понравится.

- Король Рихард тоже много жертвует на церкви, - продолжала тем временем вдовствующая герцогиня. - Он будет очень доволен вашим благочестием, моя дорогая. Он прибудет завтра, и официально праздник будет приурочен к его визиту...

- Сюда приедет король? - дядя вскинул голову.

- Он пожелал лично увидеть невест, - ответила леди Ромильда с лукавой улыбкой.

Мы с дядей переглянулись, почувствовав себя весьма неуютно.

- Поэтому ожидается большое торжество, - щебетала леди Ромильда. - Будем веселиться всю ночь напролет! Пусть союз определит любовь, а не расчет! Прекрасная задумка, не правда ли?

- Да, прекрасная, - проблеял дядя. - Разрешите удалиться, миледи? Изабелле нужно подготовиться к приему. Знаете, все эти женские штучки – ожерелья, колечки, шпильки...

Но я перебила дядю, сказав так пафосно, что у самой зубы свело:

- Я буду молиться, чтобы небеса указали милорду герцогу верное решение. И должна прежде всего посетить церковь. Надо поставить десять свечей и сделать тысячу поклонов в благодарность, что наше путешествие завершилось благополучно.

- О... - только и сказала вдовствующая герцогиня.

А герцог спросил:

- Сможете ли вы танцевать после тысячи поклонов, леди Изабелла? Может, лучше приберечь благодарность небесам на потом? Небеса не обидятся, я уверен.

- Ланчетто! – одернула его мать, но без особой строгости.

- Кто сказал вам, что я буду танцевать? – сказала я строго. – Танцы – это прямая дорога к греху, это ненужная телесная утеха. Сначала мы тешим свое тело, потом будем тешить душу, и вот уже уготована прямая дорога в ад.

- Из ваших уст это звучит так угрожающе, - протянул герцог, не сводя с меня темных и блестящих, как маслины под дождем, глаз.

- Если бы вы позволили мне прочитать вам поучения святого Бернара, - не смогла я удержаться от скрытой насмешки, - вы боялись бы засыпать по ночам, не сделав хотя бы ста поклонов. И задумались бы не о танцах, а о бренности бытия.

- Что ж, не будем вас задерживать, - жизнерадостно сказала вдовствующая герцогиня и встала, давая понять, что визит окончен. – Отдыхайте с дороги, набирайтесь сил, а завтра увидимся на празднике.

Мы с дядей тоже встали, кланяясь, и герцог Ланчетто поднялся из кресла, расправляя плечи.

Леди Ромильда пожелала проводить нас до порога, и дядя учтиво предложил ей руку. В это же время герцог шагнул вперед и оказался рядом со мной – плечом к плечу.

- Может, этим и займемся завтра? – спросил он шепотом, чтобы услышала только я. – Прочитаешь мне поучения, чтобы мне не спалось всю ночь, - рука его скользнула по моей талии, и я, прежде чем сообразила, что делаю, ударила его локтем под ребра.

Удар получился не очень сильный, он только рассмешил герцога, но руку господин Ланчетто убрал. Очень вовремя, потому что в комнату, нам навстречу, вошли двое. И увидев их, я смущенно потерла ладони и попыталась спрятаться за дядю.

Женщина в мужском костюме, с мечом у пояса, и мужчина в черном камзоле – те самые, что едва не пострадали от моей неловкости. Женщина держала мужчину под руку так бережно, словно он был стеклянным, и заговорила первой:

- Добрый день, леди Ромильда, лорд Ланчетто и... - она заметила меня и дядю, и покривилась. – Здесь гости, лорд Тристан. Невеста вашего брата и ее отец.

- Позвольте приветствовать вас, - сказал мужчина, которого она назвала лордом Тристаном. – Если я не вовремя, то не стану беспокоить. Милдрют, мы уходим...

- Нет-нет, - поспешно произнес дядя, - это мы уже уходим. Просим прощения, всего наилучшего... - и добавил, углом рта: - Изабелла!

Но я позабыла о дяде, о герцоге и обо всем в эту секунду. Потому что лорд Тристан повернул голову в мою сторону, и я увидела, что глаза у него были неестественно светлыми – водянисто-голубыми, будто бы выцветшими, без зрачков. Он чуть склонил голову к плечу, словно прислушиваясь, а потом сделал шаг назад и едва не уронил напольную вазу у входа. Милдрют успела приобнять его, чтобы не потерял равновесие.

- Тут что-то стоит, - сказал лорд Тристан с извиняющейся улыбкой, пошарил рукой, коснулся края вазы и осторожно сделал шаг в другую сторону, поддерживаемый Милдрют.

Он был слепой.

И когда его невидящий взгляд остановился на мне, я вздрогнула, потому что эти светлые глаза вызывали ужас, почти панику.

Глава 3. Дракон и его семья

- Мы уходим, Изабелла, - снова зашипел дядя, сгреб меня за руку и потащил к выходу.

Но я не могла избавиться от странного оцепенения и, хотя послушно следовала за дядей, смотрела на лорда Тристана, не в силах отвести глаз. Он был очень похож на герцога Ланчетто – тот же удлинённый овал лица, черные волосы, черные брови вразлет, смуглая кожа... Но подбородок упрямо выдавался вперед, и губы - четко очерченные, волевые... Я вдруг поняла, насколько они с Милдрют высокие. Плечо женщины приходилось на уровне моего уха, а лорд Тристан оказался и того выше.

Похоже, его появление поразило не только меня, потому что леди Ромильда и ее сын молчали, как заговоренные.

- Где вы, матушка? – позвал лорд Тристан мягко, словно извиняясь, и повел рукой перед собой. – Мне хотелось бы поцеловать вас. И обнять брата. Я очень скучал...

- Что с тобой? – будто бы с усилием произнесла вдовствующая герцогиня. – Камзол грязный.

- Ах, это, - тихо засмеялся лорд Тристан, - ничего страшного, я был недостаточно проворен. Но где мой брат, матушка?..

Дядя почти насильно вывел меня из комнаты, захлопнул дверь и зарысил по коридору. Лишь на большой лестнице, возле парадного входа, дядя остановился и промокнул лоб платком.

- Здесь будет король! – зашипел он, сначала оглянувшись по сторонам. – Час от часу не легче!..

- Да, неприятно, - подтвердила я задумчиво, все еще находясь под впечатлением взгляда слепца. Теперь, когда лорда Тристана не было рядом, мне было стыдно и неловко, что я так испугалась. Это признак малодушия, а лорд Тристан не виноват в своей слепоте. На все воля небес, и не нам, простым смертным, воротить нос от чужого несчастья. – Кто он? – спросила я дядю. – Кто этот господин – лорд Тристан? Он назвал герцогиню матушкой. Но разве у герцога есть брат?

- Я слышал о нем, - сказал дядя нехотя. – Какой-то незаконнорожденный, от конкубины. Говорят, он болен, и его прячут.

- Судя по всему, не прячут, - возразила я, подумав, что кроме слепоты других телесных изъянов в лорде Тристане не заметно. – Ведь он пришел сюда свободно.

- Только что-то ведьма с сыночком не обрадовались, - хмыкнул дядя и снова промокнул лоб. – Но дело не в этом. Король! Рихард придет! Уверен, что он для того и притащится, чтобы посмотреть на невест... Старый развратник.

- Вы потише здесь. Услышат – отправят в монастырь, - не смогла не уколоть его я.

- Отправят на плаху, если Рихард узнает тебя, - огрызнулся дядя.

- Не думаю, что узнает, - ответила я, пожав плечами. – Я не уверена, что он меня видел. Не помню его в суде.

- Хорошо, если так. С чего ты понесла этот вздор про поклоны и свечи?! И зачем заговорила про монастырь? А вдруг они догадаются?

- Если врать, то врать достоверно, - усмехнулась я. – К тому же, сомневаюсь, что герцог захочет себе в жены монашку. Или вы хотите, чтобы я победила и стала герцогиней?

Дядю едва не перекосило от злости, но он быстро стер маску недовольства, потому что появился мажордом.

- Господа ждут вас завтра в восемь часов вечера, - торжественно произнес он. – Король прибывает днем, но вас избавили от необходимости приветствовать его немедленно. Засвидетельствуете почтение его величеству на празднике.

Мы заверили, что будем непременно, что польщены честью, раскланялись и удалились.

- Надеюсь, он и не заметит тебя в толпе, - сказал дядя, когда мы шли через сад к ажурным металлическим воротам. – Надень что-нибудь поневзračнее, чтобы не выделяться.

- Я могу нацепить монашеский куколь, чтобы ненароком не очаровать короля, - предложила я.

- Он женат, - отрезал дядя.

- Но бездетен. Значит, шанс есть.

- Ты как болячка, - не выдержал дядя, - все время язвишь и язвишь!

Я не успела ответить ему на такой комплимент, потому что из мраморной беседки возле фонтана вышла целая процессия – сияющая красотой и драгоценностями дама в алом платье, с распущенными белокурыми локонами, в сопровождении слуг, служанок, карликов и крохотных длинноногих собачек. Одна из девушек несла клетку, в которой мотался на жердочке попугай с лазурным хохолком и красной грудкой. Попугай открыл клюв и заорал: «Несррравненная Пачифика! Дорррогу! Несррравненная Пачифика!»

Дама в алом засмеялась и поманила пальцем. Ей тотчас поднесли попугая, и она постучала по прутьям, заставив ученую птицу повторить еще раз – несравненная, несравненная.

Мы с дядей отступили с тропинки, чтобы пропустить даму. Судя по всему, она занимала высокое положение в Анжере.

Сверкающая и великолепная кавалькада проплыла мимо нас, под сопровождение криков попугая, и дама в алом, мельком посмотрев в нашу сторону, спросила у кого-то, даже не потрудившись понизить голос:

- Кто это? Еще одна невеста?

- Дочь барона де Корна, вместе с отцом, - услужливо подсказали ей.

- Недурна, - бросила дама. – Но рыжая?.. В моих краях всегда говорили, что рыжая девица - как дом с соломенной крышей, как ни крой - все равно протекает. И ведь верно – глаза у нее пустые, ни тени мысли.

Служанки угодливо захихикали, оглядываясь на меня.

Когда несравненная дама удалилась – в сторону замка, между прочим - я спросила у дяди:

- Кто эта госпожа Несравненное Великолепие? Вы слышали, как она с первого взгляда оценила мои умственные способности?

- Представления не имею, кто это, - ответил дядя, все еще продолжая таращиться вслед блондинке.

- Но недурна, верно? – поддела я его.

- Поменьше болтай! – разлился он.

Мы почти бегом преодолели расстояние до ворот, и дядя вздохнул спокойно, только когда ажурная решетка захлопнулась за нашими спинами.

- Что делаем дальше? – спросила я, когда мы побрели по извилистым улочкам, возвращаясь в гостиницу.

- Ждем до завтра, потом праздник, потом возвращаемся.

- Это понятно, но что делаем сегодня?

- Собираешься в церковь? – хмыкнул дядя. – Десять свечей, тысяча поклонов?..

- Это обязательно, - сказала я ему в тон. – Если вы заметили, герцогиня проверяла меня – действительно, ли я жила в монастыре. Недаром ведь она заговорила про подаренные покрывала. Мне кажется, леди Ромильда вовсе не экзотический цветочек, каким кажется.

- Смог бы цветочек выжить рядом с драконом, - согласился дядя. – Значит, с ней надо быть поосторожнее. Ладно, иди в церковь...

- А потом я пойду на побережье, - сказала я.

- Это еще зачем?! – подскочил дядя. – Безопаснее просидеть в комнате!

- Я не упущу такого шанса. Глупо побывать в Анжере и не увидеть моря. И не пытайтесь меня остановить, если не хотите, чтобы я победила на смотринах. Не отпустите – и мне придется приложить все силы, чтобы очаровать герцога. А то и самого короля.

- Мерзавка, - процедил сквозь зубы дядя.

- Мы с вами одной крови, - вернула я ему «комплимент». – Я возьму вашего коня и двух слуг в сопровождение. Ведь я – дочь барона, мне положен эскорт.

- Хорошо, - вынужден был согласиться он.

- Вот и поладили.

Вернувшись в гостиную, мы пообедали, переждали часы жары в комнатах, а когда повеяло прохладой и солнце коснулось макушек платанов, я отправилась сначала в церковь, а потом к морю.

Разумеется, в церкви я надолго не задержалась – поставила свечи, преклонила колени и покинула святое место с чувством выполненного долга. Хватит с меня трех лет непрерывных молитв – как о смирении, напоказ, так и о свободе, в сердце. Я была уверена, что небеса простят мне пару месяцев душевной лени, и что раз мои молитвы были услышаны, то не надо в ближайшее время надоедать богу новыми просьбами.

Спустившись к морю, я оставила слуг рядом с дядиным конем, а сама отправилась вдоль берега, пообещав не уходить далеко, чтобы сопровождающие не потеряли меня из виду.

Да я и не собиралась убежать от них, просто хотела побыть одной, насладиться свободой и покоем. Тот, кто думает, что монастырь – это место уединения и покоя, жестоко ошибается. Это совсем другая жизнь - жизнь, в которой ты не принадлежишь себе и всегда находишься на виду. Каждый твой шаг, каждое слово, каждый вздох – все это происходит под жесточайшим присмотром, и уединиться ты не можешь даже в собственной келье, потому что приходится делить ее на троих. Нет, монастырь для меня – та же тюрьма, и то, что я сбежала из этой тюрьмы – огромная удача. Спасибо любящему дядюшке.

Песчаная коса была пуста, здесь не было даже рыбацких лодок. Я брела, утопая в песке по щиколотку, и сразу набрала полные башмаки. Подумав, я разулась и сняла чулки.

Море было совсем рядом – бирюзовое, тихое, игривое, как котенок. Оно набегало волна за волной, и я ступила на самую кромку прибоя, и вода омыла мои ноги по самую щиколотку – раз, и другой, и третий.

Удивительное чувство. Я потеряла счет времени, слушая равномерное дыхание моря, наслаждаясь его лаской. Вот бы поплавать в этой теплой и прозрачной воде! Но купаться в присутствии слуг барона, да еще так близко от города – об этом не стоило и мечтать.

Я долго смотрела вдаль – туда, где синева моря сливалась с синевой неба. Только скала, словно черный парус, возвышалась почти у самого горизонта, показывая, где кончалось море и начиналось небо. Чайки проносились над ней, но я не слышала их криков – было слишком далеко.

- Любуется морем? – услышала я мужской голос и оглянулась.

Очень красивый мужчина – темноволосый, загорелый, так же, как и я, держал в руке башмаки и чулки. Он был не такой смуглый, как драконы, гораздо старше их, и глаза у него были светло-карие. Я разглядывала его, не торопясь отвечать.

- Я нарушил ваше уединение, леди де Корн, и вы недовольны? – осведомился мужчина, явно не собираясь уходить. – Прошу прощения, но я тоже люблю гулять здесь. Как вам понравилась наша церковь? Собор святой Агаты – гордость Анжера.

- Вон там мои слуги, - сказала я, небрежно кивнув в сторону моих сопровождающих, и отвернулась к морю.

- Не бойтесь, я не причиню вам вреда, - мужчина сделал несколько шагов и встал рядом со мной, так что теперь и его ноги омывало морем. – Но вы не желаете со мной разговаривать?

- Начнем с того, что я даже не знаю, кто вы, - ответила я, выходя из полосы прибоя. – А обо мне вы, судя по всему, прекрасно осведомлены. И что, по вашему, это должно расположить меня к разговору с вами? – я пошла обратно, досадуя, что прогулка так быстро закончилась, но мужчина догнал меня.

- Дело лишь в этом? – спросил он весело. – Тогда я представлюсь – Неро Дориа. Я был наставником Ланчетто, когда он еще звался принцем. Вот, теперь мы знакомы, и я осмелюсь спросить вас снова – как вам Анжер? Мне кажется, любоваться морем для вас интереснее, чем витражами в соборе святой Агаты? Хотя в разговоре с герцогиней вы утверждали обратное...

Я медлила с ответом, ни на секунду не веря, что встреча с наставником герцога произошла случайно. Неужели, за всеми претендентками на руку и сердце красавчика Ланчетто следят так пристально? Изучают невест? Или в этом интересе скрыто нечто другое?

- Пусть вас не удивляет моя осведомленность, - продолжал господин Неро, - я был свидетелем вашего визита.

- Вот как? – спросила я. – Простите, но что-то я вас не припомню.

- Мое положение позволяет присутствовать на подобных встречах... незаметно, - пояснил он без тени смущения. – Герцог и его матушка очень доверяют моим суждениям о людях, поэтому мое мнение о невестах будет учитываться.

Намек был недвусмысленный, и я чуть не фыркнула, но сказала небрежно:

- Значит, ваше положение позволяет подслушивать чужие разговоры? Очень почетная привилегия.

Он посмотрел на меня быстро и внимательно, и рассмеялся:

- Вот так? Даже не попытаетесь мне понравиться, чтобы я замолвил о вас словечко перед Ланчетто? Вы так уверены в силе своего очарования?

- Я уверена, что все в этом мире происходит по воле небес, - ответила я. – Если небесам угодно сделать меня герцогиней, я стану ею, даже если вы наговорите обо мне милорду Ланчетто лживых гадостей.

- Какая смелость, - подхватил бывший наставник, - и какой прекрасный пример смирения и веры! Я восхищен вами, леди де Корн.

- Жаль, что вы не герцог, - заметила я.

Мои слова произвели неожиданное впечатление. Золотистые глаза господина Дориа на мгновение потемнели, как будто он услышал что-то оскорбительное. Но уже в следующее мгновение он улыбнулся, изображая доброго дядюшку, и погрозил мне пальцем:

- Не забывайте, что чаще всего настоящей властью обладают вовсе не те, у кого громкий титул.

- Намекаете, что лорд Ланчетто – марионетка в ваших руках? – я решительно и гневно повернулась к нему.

- Я этого не говорил, - сказал он медленно, скользя взглядом по моему лицу.

Мне пришлось не по душе этот взгляд – оценивающий, поглаживающий, совсем как у герцога. Я снова ощутила себя вещью, выставленной на продажу, и поспешила избавиться от этого чувства.

- Не говорили прямо, но дали понять, - сказала я без обиняков. - Если мне суждено стать герцогиней, будьте готовы, что я добьюсь вашего удаления из Анжера. Герцогу не нужны слуги, которые подслушивают, открыто выражают пренебрежение к его светлости и готовы лгать ему в угоду своим интересам. Небеса за правду, и я не потерплю лжи... если стану герцогиней.

- Если станете, - напомнил господин Неро. – И я не слуга, если вы внимательно меня слушали.

- Все мы – слуги его светлости, а сам он – слуга короля, - парировала я. – Или вы ставите себя выше короля? Не слишком ли это дерзко?

Его красивое лицо было непроницаемым, и на губах застыла полуулыбка, но глаза смотрели вовсе не дружелюбно.

- Я вас услышал, леди де Корн, - произнес он, наконец.

- Я вас тоже, - заверила его я. – Всего доброго, господин бывший наставник. Благодарю за содержательный разговор.

- Но не за приятную встречу, - усмехнулся он. – Что ж, надеюсь, хотя бы разговор получился по-настоящему содержательный.

Он коротко поклонился и хотел уйти, но в последний момент я окликнула его:

- Еще два слова, господин бывший наставник.

- Что такое? – он обернулся.

- Вы говорили, что ваша привилегия позволяет знать тайное... Сегодня мы с отцом встретили в саду прекрасную даму, она поражала воображение и красотой, и обходительностью. Мне кажется, ее зовут Пачификой, потому что ее попугай выкрикивал это имя. Нельзя ли узнать у вас, кто она?

- Несравненная Пачифика? – он улыбнулся так любезно, что впору было ощутить приторность на языке. – Госпожа Кавалли занимает особое место в Анжере. Она – старшая конкубина при герцоге, и пользуется его расположением уже четыре года.

В том, что знатный господин сожительствовал с конкубиной, а то и с несколькими - не было ничего удивительного. Было бы удивительнее, если бы герцог – при его стати и откровенном поведении, оставался благочестивым девственником. Я не сомневалась, что господин Неро специально рассказал о положении несравненной Пачифики - какой невесте приятно слышать о любовнице жениха? И еще я не сомневалась, что он приложит все усилия, чтобы не допустить мой брак с Ланчетто – ведь я открыто сказала, что выгоню его. Если он и в самом деле такой кукловод, каким пытался себя представить, он захочет в герцогини милую, нежную деву, на которую произведет впечатление своей красотой и красноречием.

Я вернулась к дядиным слугам, безо всякого стеснения натянула перед ними чулки и туфли, и села в седло. До ареста отца я очень любила верховую езду, но за три года подрастания умения, и теперь кости у меня болезненно ныли, требуя отдыха. Что ж, на отдых у меня сегодняшний вечер и завтрашний день – и кости, и дядя будут довольны.

Мы въехали в городские ворота, проследовали одной из центральных улиц, и вдруг звонкие фанфары раздалась совсем рядом. Мимо нас промчались глашатаи – в синих камзолах, с серебряными трубами и алыми лентами на рукавах.

- Король! Король! – завопил кто-то, и на улицу хлынула толпа горожан, желавших лицезреть драконьего монарха.

Я едва не вылетела из седла, когда мой конь, испуганный поднявшимся шумом, встал на дыбы. Мне стоило огромных усилий заставить его опуститься на передние ноги, и он закрутился на месте, мотая головой и закусывая удила. Несколько напряженных секунд я пыталась сдержать его, пока слуги, сопровождавшие меня, не пришли на помощь и не притерли коня к стене дома, оттеснив подальше от толпы. Только тогда я перевела дух и спрыгнула на мостовую. Колени дрожали, ладони саднило, а сердце прыгало, как сумасшедшее – я испугалась не меньше глупого животного.

Фанфары протрубили еще громче, и, прижавшись спиной к стене, я увидела короля Рихарда.

Он ехал на белом коне, наряженный в алый плащ, а на шляпе красовались алые перья – они не торчали стрелами, а лились каскадом. Они трепетали в такт шагам коня, и казалось, что по королевской шляпе стелются языки пламени.

Рихард с усмешкой посматривал на горожан, и крики и ропот постепенно затихали. Даже на расстоянии я чувствовала, что от дракона исходит ощущение силы, опасность. Хотелось мчаться прочь, не разбирая дороги, или броситься на колени, прикрывая голову.

Подобные чувства охватили не только меня. Я видела, что некоторые падали без чувств, а многие обратились в бегство. Надо думать, король Рихард прекрасно осознавал, какое впечатление производит на своих подданных, и наслаждался их страхом. Я вспомнила поговорку, что часто повторяли у нас дома: дракона греют девы, золото и страх. Скорее всего, так и было, потому что захватив власть в королевстве, драконы окружили себя многочисленными любовницами, жестоко подавляли любой мятеж, и таскали золото отовсюду, где могли его найти. Впрочем, нравились им и драгоценные камни, и чужие земли. Хотела бы я знать, кто сейчас носил жемчужное ожерелье моей матери? Сто отборнейших жемчужин, размером с горошину – молочно-белых, идеально-круглых. Это ожерелье я должна была надеть на свою свадьбу, но вместо него драконы вручили мне четки, а фату чуть не заменили монашеским клобуком.

Король Рихард был для меня средоточием всех бед, свалившихся на мою семью. И сейчас я смотрела на него с ужасом, ненавистью и понимая, что никогда не осмелюсь дать выход своей ненависти – так и буду жить с ней в сердце, и никакие лавандовые поля не смогут помочь. Они только лишь приглушат злость и боль.

Когда король посмотрел в нашу сторону, я не сдержалась и опустила голову. Пусть и в человеческом облики, драконы внушали животный страх, и бороться с ним не было никакой возможности.

Но вот королевский кортеж проехал, и мы словно очнулись. Как будто змея заколдовала нас своим взглядом, а теперь она уползла, и мы обрели свободу.

- Лучше вернемся в гостиницу поскорее, - сказал один из слуг, заикаясь.

И я даже не подумала возражать.

Глава 4. Праздник по-королевски

Праздник во дворце ди Амато был самым ярким и великолепным зрелищем, что мне приходилось наблюдать за свою жизнь. Только сейчас я поняла, насколько богаты драконы. Казалось, они притягивали золото. Мой отец никогда не смог бы устроить такого вечера, хотя был далеко не бедным. Здесь были цветы, и фонтан из вина, и целый отряд менестрелей, и живые картины... Король еще не появился, и мы с дядей прогуливались по залу вместе с остальными гостями.

Дядя зорко присматривался к претенденткам на звание герцогини, а меня совсем не интересовали эти девицы. Одна из них станет женой Ланчетто ди Амато – пусть, если ей это по душе. А мне по душе лавандовые поля.

Появление короля Рихарда вызвало общее замешательство – люди отхлынули от дверей, как море в отлив, и он появился – высокий, крепкий, с пристальным взглядом из-под черных бровей. Глядя на него я опять испытала панический ужас – чувство опасности заставляло сердце дрожать. И хотя разум говорил, что передо мной человек, что-то в глубине души вопило от страха, ощущая близость дикого зверя.

Следом за Рихардом шли вдовствующая герцогиня, герцог Ланчетто, а за ними – слепой Тристан, которого поддерживала под руку Милдрют, не пожелавшая сменить мужской костюм на платье даже ради праздника.

Король сел за главный стол между Ланчетто и его матерью, а лорд Тристан занял место среди вельмож. Я видела, как он хотел взять бокал с вином для первого тоста, пошарил по столу и нечаянно опрокинул бокал, разлив вино. Король Рихард посмотрел в его сторону странным взглядом и отвернулся.

Неро Дория тоже был здесь. Он встал за герцогиней и склонился, что-то ей нашептывая. Я задержала на нем взгляд, и он, словно это почувствовав, поднял голову. Увидев меня, он приветливо кивнул, как старой знакомой.

Меня это покорило. Что за дурной тон – прилюдно намекать на знакомство с девушкой. Но тут началось представление невест.

Разумеется, список начали зачитывать с ангелочка Анны Божоле.

Она вышла и остановилась перед королем – бледная до зелени, с дрожащим подбородком, но все искупало платье – удивительно красивое, воздушное. Поклонившись, она выслушала пару приветственных фраз и удалилась.

Всего невест было девять. Меня вызвали восьмой, и я, глубоко вздохнув, вышла на середину зала.

Не самое приятное чувство, когда тебя разглядывают сотни глаз. Но я постаралась скрыть волнение и нервозность. Присутствие драконов вызывало страх, подавляющий волю, и побороть его не было никакой возможности. Но я поклонилась, смогла улыбнуться и собиралась уже вернуться к дяде, когда король вдруг сказал:

- Изабелла де Корн?

Мое лже-имя только что назвали, и в том, что король решил снова его озвучить, я не увидела ничего хорошего. Я снова заставила себя улыбнуться и выдавила несколько слов, благодарая за честь, что нашей семье прислали приглашение.

Но король не торопился отпускать меня и смотрел испытующе, а потом сказал очень любезно:

- Сюда были приглашены самые верные. Признаться, ваш дядя был не слишком мне по вкусу, - он улыбнулся так плотно, словно и в самом деле сожрал моего бедного отца. – Но заслуги вашего отца заставили меня позабыть о преступлениях Лалена.

Дяде пришлось выступить вперед и раскланяться, а я опустила глаза, чтобы не выдать своих чувств. Мой отец не был преступником. Он не был мятежником. Он боролся против тех, кто преступно захватил власть, кто самозвано объявил себя королями нашего народа. А король Рихард продолжал, и каждым словом как будто вбивал в меня гвоздь:

- Я помню и ценю вашу роль в разоблачении мятежников, де Корн. Кое-кто назовет это предательством, но я назову это принципиальностью и здравомыслием. И смелостью, черт побери! Надо быть смельчаком, чтобы открыть постыдную правду о своих родичах. Сам я никогда бы на такое не осмелился, я трус, что уж там, - он обвел гостей черными горящими глазами, и никто не смог выдержать его взгляда.

И я не смогла, хотя сейчас мне хотелось перегрызть ему горло, а потом выцарапать глаза «смельчаку»-дяде.

- Сам я выгораживал бы родственника, даже если бы он изнасиловал девственницу, - заявил король. - Поэтому такие люди, как ты, де Корн, нужны мне особо.

- Благодарю, ваше величество, - пробормотал дядя, отступая с поклоном.

Я тоже поклонилась и тоже поблагодарила:

- Наша фамилия чрезвычайно польщена вашим доверием, и мы приложим все усилия, чтобы его оправдать. Теперь мы будем особо усердно проявлять смелость, предавая наших родичей. То есть, простите, - тут я спохватилась, - следуя принципам.

Взгляд короля, казалось, прожег меня насквозь, но я уже отошла в шеренгу невест, чопорно сложив руки на животе и потупившись, как самая примерная скромница.

После легкого ужина начались танцы, и герцог танцевал с каждой невестой по танцу. Оставалось только позавидовать его силе и выдержке – он ничуть не запыхался, был свеж и румян, и улыбка не сходила с его алых губ. Невесты скромно опускали ресницы, а он что-то говорил им с улыбкой.

Я вспомнила нашу первую встречу – и покривилась.

Наступил и мой черед танцевать с женихом.

Играли альманду, и я порадовалась, что медленный танец избавит меня от прыжков и верчения в обнимку с патнером. Альманду танцуют чопорно – на расстоянии вытянутой руки, чуть соприкасаясь пальцами. Очень удобно, если не желаешь вести приватную беседу. Но герцог был иного мнения на этот счет.

- Вы не слишком веселы, леди Изабелла, - почти промурлыкал он. - Вам не нравится праздник?

- Все чудесно, - заверила я его с такой кислотой в голосе, словно мы обсуждали страдания Дидоны по Энею.

- Вы грозились, что не будете танцевать, и я счастлив, что угроза была лишь на словах, - продолжил светскую беседу герцог.

- Это только по принуждению, - заверила я его. - Дань вежливости. Больше я не выйду, пусть даже мне грозят. Я принесла с собой проповеди преподобной Бреги и хочу прочитать их где-нибудь в приятном уединении.

- Хотел бы составить вам компанию...

- Боюсь, вы только помешаете нашему девичьему разговору.

- Какая вы злючка, - пошутил он. - Неро рассказывал мне о вас. Вы произвели на него впечатление.

- Свой набожностью, разумеется?

- Своей язвительностью.

- Фу, как грубо, - я поджала губы. - Со своей стороны могу сказать, что господин Неро недостаточно компетентен, недостаточно серьезен в вопросах веры и...

- Нечто подобное он говорил и о тебе, - эти слова Ланчетто прошептал мне почти на ухо, хотя танец не предусматривал такой близости.

- Держитесь-ка подальше, - посоветовала я ему, сделав вид, что не заметила фамильярного обращения на «ты», - вы испортили танцевальную фигуру.

- Ну и черт с ней, - ответил он весело. – Меня больше прельщают другие фигуры. Вот твоя – очень недурна.

- Очень польщена такой оценкой, ваша светлость, - сказала я холодно, - но ужасно смущена. Неприлично даже думать о таком, не то что произносить.

- Если бы только знала, о чем я думаю, - герцог не переставал улыбаться. – Ты мне нравишься больше всех, Изабелла. Остальные – сонные коровы, а в тебе огонек так и горит.

- Не бойтесь обжечься? – спросила я, ощущая неприятный холодок в груди. Не хватало еще и в самом деле понравиться герцогу. Но я сильно подозревала, что он говорит одно и то же всем невестам, обнадеживая их.

- Драконы не боятся огня, - ответил герцог самодовольно. – Они сами – огонь, и ищут себе подобных...

- Говорят, драконы тоже уязвимы, - поспешила я перевести опасную тему. – По субботам.

- По субботам мы всего лишь принимаем свой истинный облик, - сказал Ланчетто небрежно. – Это сильное зрелище. Не любой закаленный воин выдержит, не то что нежная дамочка.

- Вы настолько омерзительны?

- Настолько страшен, - произнес он со значением. – Но тебе нечего меня бояться, пока ты под моим покровительством.

- Ах, я уже под вами?

Он засмеялся, а меня так и распирало от злости.

- Рано или поздно, ты все равно окажешься подо мной, - опять зашептал он мне на ухо.

- О чем это вы? – спросила я, выгадывая время на размышление – что сказать и как повести себя.

- О том, что я уже знаю, чью головку украсит корона герцогов ди Амато, - сказал он.

- Наверняка, счастливица – леди Анна, - сказала я торопливо.

- Нет, голубушка, это ты, - заявил он без обиняков.

- Неожиданно, - признала я. – Что ж, кому-то придется научить вас смирению. Кстати, у преподобного Антонина есть прекрасный манускрипт о смирении плоти и духа, я с удовольствием прочту вам его. Там говорится, что перед свадьбой молодоженам лучше всего выдерживать трехнедельный пост, а потом жить, как брат с сестрой, прибегая к исполнению супружеских обязанностей только лишь после усиленного покаяния, чтобы грехи не навредили чадорождению...

- С удовольствием послушаю твое чтение, - пообещал он. – Встанешь на колени, станешь читать, а я пристроюсь сзади и буду... каяться.

Мне стоило большого труда не вlepить ему пощечину. Но в присутствии драконьего семейства это было бы крайне безрассудно.

- Разве вам не интереснее будет... каяться вместе с госпожой Кавалли? – спросила я. – Она стоит у стены и испепеляет вас взглядом.

- Дыру не проглядит, - не остался в долгу Ланчетто. – Она хороша, конечно, но тоже сонная корова, а мне больше по душе резвые телочки.

- Смотрю, вы вообразили себя племенным быком?

- Скоро посмотришь на мое достоинство и найдешь, что между нами много общего, - пообещал он.

- Вот как? – насмешливо произнесла я. – Мое достоинство невозможно увидеть, оно в моей душе. А ваше?

- Маленькая язва! – опять рассмеялся Ланчетто. – Но я говорил не о тебе, а о быке. И в свое время я с удовольствием помычу над одной рыжей телочкой, которая вообразила, что у нее выросли рога, и пытается бодаться.

Танец закончился, и герцог отправился приглашать очередную претендентку на его руку, сердце и бычий достоинства. Я вернулась к дяде, и он тут же вцепился в меня:

- Почему он так хохотал? Что такого смешного ты ему наговорила?

- Пыталась обратить его на путь истинный, - ответила я кисло, - но, боюсь, у нас с герцогом разные представления об истине.

- Ты что за игру затеяла? – зашипел дядя угрожающе. – Ты что, хочешь ему понравиться?!

- Вы не только предатель, но еще и глупец, - не сдержалась я.

В это время король Рихард посмотрел в нашу сторону, и мы с дядей немедленно изобразили радостное подбострастие.

Я надеялась, что танцев с женихом больше не будет, но герцог был неугомонным и пошел по второму кругу. Когда настала моя очередь, я снова выслушала порцию скабрзностей и отвечала, уже не сдерживая презрения, но господина Ланчетто это только забавляло. С огромным удовольствием я бы сбежала с этого богатого праздника, отговорившись недомоганием, но ожидался еще фейерверк. Я никогда не видела фейерверка, но слышала рассказы о нем. Огненные цветы распускаются в небе – удивительно! И мне очень хотелось хоть одним глазком посмотреть на это чудо.

Танец закончился, и мы с герцогом поклонились друг другу. Как и полагается по этикету, он проводил меня к тому месту, откуда пригласил (мой отец называл это – взял рюмочку, поставь обратно на полочку), и где должен был находиться дядя, но барон де Корн отлучился не понять куда, а герцог, похоже, не собирался прерывать общение.

- Посмотрим на фейерверк вместе? – предложил он, не отпуская мою руку.

- Не вижу в этом необходимости, - сказала я и пошевелила пальцами. – Отпустите меня? Булавка растянулась и страшно колет.

- Может, я помогу с булавкой? – герцог Ланчетто поглядывал на меня так многообещающе, что это уже само по себе казалось оскорблением.

- Наверное, нам надо объясниться, - сказала я доверительно и поманила его, чтобы наклонился, что он и сделал, поглаживая мою ладонь. – Вы мне не слишком нравитесь, - сказала я, - нет в вас ни смирения, ни божеского почтения. Если стану вашей женой, я уделю вашему перевоспитанию особое внимание. Есть хорошее средство для исправления прочного нрава – молитва, пост и воздержание. А если вы не удалите свою любовницу – госпожу Кавалли, я ее отправлю. Я знаю травы. Кстати, для смирения плоти, чтобы не впадать во грех, я знаю отличный рецепт чая на душице. Выпьете его – и месяца два будете думать только о небесах и молитвах.

Я думала напугать его, но герцог только блеснул глазами и зубами.

- Послушай и ты меня, апельсинчик, - сказал он, подражая моему тону. – Драконы всегда получают, что хотят, а я захотел тебя. Но тебе понравится, обещаю. Не пройдет и месяца, как я обращу тебя в свою религию.

- Вот это точно – вряд ли! – ответила я и задергала рукой. – Отпустите меня.

Некоторое время он потешался, удерживая мою ладонь, а потом резко разжал пальцы.

Это произошло так неожиданно, что я потеряла равновесие и отступила на два шага, налетев на кого-то спиной. Я больно ударилась позвоночником, как будто этот кто-то был сделан из камня, в глазах потемнело от боли, и тут же я получила хороший тычок в плечо.

- Глаз у вас, что ли, нет?! – раздался гневный окрик. – Какая вы неуклюжая!

Оглянувшись, я увидела слепого лорда Тристана – он проходил мимо, и это его я толкнула, а голос принадлежал его спутнице Милдрют, и она же толкнула меня – крепко, один раз, и второй. Сейчас она смотрела на меня со злостью, из черных глаз только искры не летели.

- Ничего страшного, все в порядке, - примирительно сказал лорд Тристан, шаря в воздухе перед собой. – Я же не развалюсь, в конце концов.

Милдрют поймала его руку, положила на сгиб своего локтя, и они пошли дальше. Некоторое время я слышала их разговор: «Девушка не виновата», - говорил лорд Тристан, а Милдрют недовольно возражала ему.

Я посмотрела на ухмыляющегося Ланчетто, испытывая желание выцарапать ему глаза, и чопорно сказала:

- Вы еще, может, и одержимы. Вам надо не только поститься, но и проехать по святым местам. А лучше – пройти пешком, босиком и в рубище, - после этого я юркнула в толпу гостей, стараясь затеряться среди приглашенных дам и кавалеров.

Я опасалась, что герцог будет преследовать меня, но этого не произошло, и вскоре я увидела его танцующим с Анной Божоле.

Дядя не появлялся, и я решила скрыться, от греха подальше, чтобы не искушать герцога. Кто знает этих драконов – может, они ищут набожных жен? Чтобы они уравнивали их пороки.

Выйдя из общего зала, я проплутала коридорами и оказалась на открытой террасе, где произошло мое неудачное знакомство с лордом Тристаном и его воинственной Милдрют. Хотя, почему – неудачное? Все могло закончиться гораздо хуже. Цветочный горшок мог пробить господину голову, и тогда Милдрют свернула бы шею мне. Я усмехнулась, вспомнив, с какой горячностью она его защищала, и как нежно водила за ручку.

Проверив, нет ли рядом других цветочных горшков, я устроилась на перилах, наслаждаясь видом ночного моря. Луна уже взошла, и море походило на расплавленное серебро, отражая лунный свет каждой волной. Все же, удивительный край – душистый, свежий, пьянящий, как хорошее вино.

Я и в самом деле ощутила легкое головокружение, и сердце забилося, хотя мое-то сердце не было занято никем, и крышечка была не только закрыта, но еще и заколочена, и законопачена. Но разве можно остаться равнодушным, когда тебе девятнадцать лет, когда ты, наконец, обрела свободу, смотришь на подлунное море, а запах жасмина так силен, что кажется осязаемым – протяни руку и дотронешься до ароматного облака.

- Вот ты где, - раздалось из темноты, и на террасу вышел Ланчетто.

Мне оставалось только закатить глаза.

- Сбежала? – спросил герцог. – Показываешь характер?

- Честное слово, - сказала я со вздохом, - до вас с трудом доходит то, что пытаешься дать вам понять.

- Ты еще бодаешься, рыжая телочка, но я уже стреножил тебя, - сказал он, опираясь на перила. – Сопровствляйся, сколько хочешь, но ты станешь моей быстрее, чем думаешь.

- Посмотрим, насколько хорошо вы видите будущее, господин уличный прорицатель, - сказала я с издевкой.

- Посмотрим, - ответил он с простодушной улыбкой.

Я почувствовала подвох, но в это время начался фейерверк. Над садом взорвался снап красно-оранжевых искр. Они вспыхнули ослепительно, а потом стекли с черных небес кровавыми подтеками. Запрокинув голову, я смотрела на это великолепное зрелище и пропустила момент, когда герцог Ланчетто напал на меня. Прихлопнув мне рот ладонью, он схватил меня другой рукой поперек туловища и в два счета утащил с террасы.

Герцог тащил меня, как паук муху, и хотя я сопротивлялась, но справиться с ним не могла – он и правда был сильный, как бык. Он почти придушил меня, но когда затащил в тупиковый полутемный коридор, хватку пришлось ослабить, и я тут же этим воспользовалась, укусив Ланчетто за руку.

Он зашипел и опять зажал мне рот, прохрипев в ухо:

- Кусаешься, злючка? Посмотрим, как запоешь потом!

Притиснув меня к стене, он сразу перешел к делу – принялся задира́ть мой подол. Я рвалась из его рук, как безумная, и в этот момент в самом деле словно потеряла разум – дикий, животный страх нахлынул и накрыл волной. Я обломала ногти, пытаюсь поцарапать герцога, платье на мне трещало по швам, рукав уже болтался на нитках. Ланчетто начал злиться, потому что никак не мог скрутить меня. Наверное, он рассчитывал провернуть все быстро, а тут возня затягивалась.

Но я слабела слишком быстро – справиться с распаленным страстью мужчиной я не могла, и медленно, но уступала. Ланчетто почувствовал это и довольно осклабился – в полумраке его белые зубы хищно блеснули.

- Я же говорил, что ты станешь моей, - он-таки смог справиться с моим платьем, забросив его подол мне на пояс, и теперь жадно шарил рукой, отыскивая разрез на моем белье.

От злости и бессилия я заплакала, но тут раздался глубокий мягкий голос:

- Здесь кто-то есть?

Это был слепой лорд Тристан, и я замычала, и начала брыкаться из последних сил. Ланчетто при появлении свидетеля замешкался, и я, воспользовавшись этим, извернулась и снова укусила герцога, вцепившись в него от души. В этот раз получилось кровавее, и он зашипел от боли и ослабил хватку. Этого хватило, чтобы я оказалась на свободе. Я бросилась бежать, оттолкнув с дороги лорда Тристана. Вернее, я почти толкнула его, но в последний момент он неловко отступил в сторону, отыскивая рукой стену, и я промчалась мимо него беспрепятственно.

Почему-то он был один, без своей спутницы, но мне некогда было выяснять, куда запропастилась воинственная Милдрют.

Ланчетто бросился за мной, но столкнулся с братом и отлетел к стене.

Оглянувшись, я увидела, как герцог с проклятиями потирает плечо, и побежала дальше, уже не оглядываясь и не останавливаясь.

Завернув за угол, я юркнула за какие-то статуи, потому что понимала, что с растрепанными волосами, в платье с оторванным рукавом не следует появляться в зале. Лучше найти дядю и вернуться, пока герцог не замыслил новую подлость. Ведь ему при всех дали разрешение на насилие... Я вспомнила слова короля Рихарда, сказанные во время приветствия и закрипела зубами. Проклятые драконы! Считают, что всё и все принадлежат им!..

Шаги в коридоре заставили меня затаиться. Это шли герцог и его брат – я услышала голоса. Ланчетто брюзжал, почти срываясь на визг:

- Где твоя великанша? Какого черта ты тут бродишь?

- Прости, если помешал, - отвечал Тристан спокойно. – А зачем ты здесь прятался? Ты с кем-то был? Мне показалось, здесь пробежала девушка...

- Тебе показалось, - отрезал Ланчетто.

Они прошли мимо, не заметив меня, а когда их шаги затихли дальше по коридору, я выбралась из своего укрытия и на цыпочках побежала в другую сторону.

Глава 5. Секрет раскрыт

Где искать дядю и как покинуть праздничный вечер незаметно, я понятия не имела. Можно было, конечно, прокрасться через сад, выскользнуть из ворот и бежать напрямик до гостиницы, но кто знает, что меня поджидает на ночных улицах этого милого города, где сам король дает карт-бланш на преступление, а герцог задирает подола благородным девицам в своем собственном дворце.

Я кралась по полутемным коридорам «Жемчужины Побережья» и теперь все казалось мне вовсе не таким красивым и заманчивым, как при первой встрече. Если удастся отыскать кого-то из слуг, можно попросить передать дяде, чтобы пришел...

Пробегая открытую террасу, я пригнулась, чтобы меня не было видно за перилами, и врезалась головой в чей-то живот. Живот был твердым, как доска, и меня отшвырнула от него, как тряпичный мячик от каменной стенки.

Едва не упав, я выпрямилась, приняв самый независимый вид, но слова застряли в горле, потому что передо мной стоял сам король.

Король Рихард – без свиты, без сопровождающих, один, на залитой лунным светом террасе. Он окинул меня взглядом и усмехнулся.

- Великолепный видок, леди Изабелла. Вы похожи на рыцаря, только что сражавшегося с драконом.

Я смотрела на него исподлбья, от злости даже позабыв про страх. Мне подумалось, что король прекрасно знает, что произошло, и даже рад этому. Он считает, что герцогу позволено все? Даже брать девиц против их воли? Вилланок – да, но не благородных же леди!

Разумеется, возмущение мне пришлось оставить при себе. Я подтянула рукав, грозивший свалиться совсем, и сказала, едва сдерживая гнев:

- Вы необыкновенно проницательны, ваше величество. Разрешите удалиться? Рыцарю надо подлатать забрало.

- А кроме забрала, надеюсь, не пострадало ничего? – спросил король любезно. – Позвольте, провожу вас до кузни, отважный рыцарь.

- Доберусь сама, - сухо поблагодарила я, коротко поклонилась и собралась уже уйти, но голос короля остановил.

- Я сказал, что провожу, и не надо показывать характер, если не хотите остаться не только без забрала, но и без головы, леди Маргарита де Лален.

Настоящее имя ударило посильнее камня в спину, и я медленно, как по принуждению, оглянулась. Король наблюдал за мной с интересом, и заулыбался, довольный моей покорностью. В лунном свете его зубы блеснули точно так же хищно, как и у герцога. Одна порода.

- Вы не возражаете, если я буду называть вас так? – спросил король. – Почему-то это имя подходит вам больше – Маргарита. Нет, даже не так. Магали.

Я молчала, потому что сказать мне было нечего. Мы с дядей показали себя наивными дураками, полагая, что сможем обмануть драконов. И теперь надо было отвечать за обман.

- Как же получилось, - говорил между тем король, - что дочь мятежника проникла во дворец герцога под вымышленным именем и пытается стать герцогиней? Я усматриваю в этом злой умысел, заговор и почти мятеж. Может, отправить тебя напрямик в королевскую тюрьму? Ты там, вроде, пробыла два месяца. Понравилось?

- Нет, - выдавила я.

- Умная девочка, - сказал король. – Пойдем-ка, прогуляемся.

Он схватил меня за руку повыше локтя и потащил за собой. Я едва успевала за ним.

- Куда вы меня ведете? – воскликнула я, когда мы спустились в сад и направились к конюшням.

- Хочу показать тебе море, - ответил король. – И кое о чем с тобой потолковать. Ты же неплохо ездешь верхом? Я видел, как ты усмирила коня – там, на улице. И сразу узнал. У меня хорошая память, знаешь ли.

- Теперь знаю, - произнесла я сквозь зубы. – Может, вы отпустите меня? Я вполне в состоянии идти сама.

Слуги не задавали вопросов и были восхитительно невозмутимы, когда в конюшню появился король в компании с растрепанной девицей в разорванном платье. Нам тут же подали двух коней и открыли ворота, не предлагая провожатых.

Но и в самом деле – для чего нужна охрана дракону?

Король ехал впереди, не оглядываясь, уверенный, что я следую за ним. Я и следовала, и гадала, о чем пойдет разговор. То, что дракон решил говорить не во дворце, означало, что речь будет о делах тайных, и это настораживало и пугало еще больше, чем внимание герцога ди Амато.

Мы доехали до побережья, король спешился, помог мне спуститься из седла, и мы довольно долго брели вдоль кромки прибоя, пока не дошли до скалы, глубоко выдающейся в море.

- Оставим коней здесь, - король забрал у меня поводья и накинул их на ветку сухого дерева, торчавшего из песка. – Пошли наверх – там красиво, тебе понравится.

Я посмотрела на скалу с веселым изумлением. Забраться наверх? Взлететь, что ли?

- Вы, люди, слабые, как мыши, - проворчал король, схватил меня поперек туловища и забросил на плечо, как мешок с мукой.

Я только ахнула, когда он ловко полез наверх, по еле заметной крутой тропке. Голова у меня закружилась, и я вцепилась дракону в плечи.

- Не щипайся, мышь, - засмеялся дракон.

Мы оказались на вершине быстрее, чем я успела досчитать до десяти. Дракон поставил меня на ноги, и я перевела дух. Да, здесь было красиво – совсем другой вид на море, чем с земли. Но любоваться красотой совсем не хотелось. Я косилась на короля, а он, словно издеваясь, тянул время - наслаждался открывшимся видом.

- Ты не поладила с моим племянником, - сказал он, наконец, и я сразу подобралась, как для боя.

- Я не горю желанием быть герцогиней, - сказала я, осторожно подбирая слова.

- А ты ею и не станешь, - заверил меня король. – В жены Ланчетто я присмотрел Божоле. Надеюсь, она родит ему сыновей. Драконов.

- Да, будем молить об этом небеса, - пробормотала я.

- Божоле – это большие земли и армия. Нам сейчас нужна поддержка человеческих лордов.

- Разве драконы в этом нуждаются? – не сдержалась я. – В поддержке людей?

- А что твой дядя пообещал тебе за обман? – спросил он, словно не замечая моего вопроса.

Я промолчала, опустив глаза.

- Что обещал, отвечай! – рыкнул король.

- Свободу и Юнавир, - быстро ответила я.

- Лавандовые поля? Хм... какой щедрый подарок. Но как старшая дочь ты имеешь право на все состояние де Корнов. Дядя был так уверен в твоей честности? Что ты удовлетворишься одними лишь полями?

- Юнавир должен был достаться Магали, - ответила я. – А Изабелла де Корн умерла бы, после того, как проиграла смотрины и вернулась домой.

- Все интереснее и интереснее. Значит, она бы умерла?

Я уставилась на него, пораженная внезапной догадкой.

В самом деле, но не опасно ли дяде оставлять в живых свидетеля его преступления против короны? Стоит мне заговорить – и король вряд ли его похвалит. Еще припомнят участие в деле мятежников, и – кто знает? – не отправится ли хитрый дядюшка на плаху. Гораздо проще, если Изабелла и в самом деле умрет!

- На его месте я бы так и сделал, - сказал король, угадав, о чем я думаю.

- Но мой дядя – не вы, - ответила я, но в сердце уже поселилось сомнение.

- Хочешь проверить его благородство? – спросил король. – Тогда даже мешать не буду. А через месяц наведуясь в Юнавир. Прикажу посадить лаванду на могилу безвременно почившей Изабеллы де Корн. Попытаюсь найти некую Магали – и не найду, скорее всего.

- Вы хотите поссорить меня с дядей! - догадалась я. – Драконы всегда сеют раздор между людьми!

- Зачем это драконам? – король был выше меня, и теперь навис надо мной, как медведь.

- Мы можем разобраться с вами без хитростей, только силой. Не веришь? – он схватил меня за шею и наклонил над обрывом.

Я не закричала, до боли прикусив губу. Если дракон ждет, что я буду визжать от страха – точно этого не дождется. Но сам страх никуда не делся, потому что внизу море тяжело шевельнулось – и оно не походило больше на котенка. Там, у валунов, словно открылась пасть чудовища, готовая проглотить любого, кто полетит в нее. И мое воображение тут же представило такую картину: я падаю, бестолково болтая руками и ногами, а море внизу жадно лижет валуны, дожидаясь человеческой жертвы.

Но королевская рука держала меня крепко и рывком вернула на твердь. Ноги не держали, и я села, подтянув колени к груди и стуча зубами.

- Страшно? – спросил король.

- Что вы от меня хотите? – еле выговорила я – так меня трясло от пережитого ужаса. Даже нападение Ланчетто казалось сейчас детской игрой.

- У меня есть дело для тебя. Станешь сиделкой при младшем ди Амато.

- Сиделкой?..

- У него была нянька, которая за ним присматривала, но она умерла два месяца назад.

- Вы о слепом лорде Тристане? – догадалась я, немного приходя в себя. – Но у него есть Милдрют, к чему вам...

- Про эту бешеную суку даже слышать не хочу, - отрезал король. – Мы пойдем к нему, и ты скажешь, что мечтаешь ухаживать за ним. Ври, что хочешь, но он должен поверить, что ты помогаешь ему только по доброте душевной.

- Соврать?

- У тебя это ловко получается, не так ли?

- А если он не поверит?

- А ты постарайся, - последовал жестокий ответ. – И помни, что у тебя не слишком богатый выбор – или тебя прикончит дядя, или я.

- Третьего варианта нет? – я еще храбрилась, но это была храбрость кролика, которого уже закапканили за заднюю лапку.

- Есть, - радушно предложил король. – Прыгай с обрыва сама. Прыгнешь?

- Зачем вы хотите, чтобы я поехала к господину Тристану? – спросила я, не ответив на его слова. – Какова моя миссия?

- Вот это уже разговор, - одобрил дракон. – Дело в том, что мне не нравится, что здесь происходит. И чтобы разобраться во всем, нужен человек умный, бесстрашный, умеющий смотреть и думать. Я выбрал тебя.

- Вы выбрали? Я польщена, ваше величество, но я вовсе не такая, какой вы меня представляете.

- Не скромничай, - сказал король, хохотнув. – Вот смотрю на тебя и думаю, что надо подбросить деньжонок твоему монастырю.

- За что же?

- За правильное воспитание. Сколько горячих умных молодых девственниц там – просто кладезь для драконов. Еще и красотки, притом.

- Неужели, кто-то из невест тоже был в монастыре? – я невольно вздрогнула, вспомнив последние три года. – Сочувствую бедняжке.

- Так тебе там несладко пришлось? – король пытливно взглянул на меня. – А вот та девица, наоборот, упиралась руками и ногами, когда ее забирали. Теперь она жена маркграфа де Вена-тура. Слышала о таком?[1]

Конечно, я не слышала, но теперь история неизвестной монашки стала для меня ясной, как день.

- Что же за животное ваш маркграф, - сказала я, - если бедная девушка так не желала покидать монастырь?

- Он всего лишь дракон, - ответил король с холодной усмешкой, и я испытала дикое желание упасть и прикрыть голову руками, чтобы спастись от его взгляда – это было все равно, что смотреть в глаза дикому зверю. – А вот у девицы был такой же острый язычок, и попади она ко мне – я бы ей его укоротил.

Надо было промолчать, но я не сдержалась:

- Тогда девушке повезло, что она попала... к другому животному.

- Думай о себе, - посоветовал он, а потом оглянулся на море. – Тебе нравится, что ты видишь?

- Мне кажется, не самое время рассуждать о красоте лунной дорожки, - вежливо заметила я. Наконец-то я смогла встать, хотя колени все еще подгибались. На всякий случай я отошла подальше от края. Вдруг его величество снова захочется позабавиться и поддержать меня над бездной на весу.

- Тебе не кажется странным, что тут нет рыбацких лодок? – продолжал спрашивать король.

Я задумалась и только теперь поняла, что удивило меня в первый день – здесь слишком тихо для портового города. Такое благодатное побережье – и никто не ловит рыбу, не маневрирует под парусами, мальчишки не собирают ракушки, не плещутся в воде. Но почему?

- Мне надо, чтобы ты следила за младшим ди Амато, - король говорил, не глядя на меня. Он смотрел на море, заложив за спину руки. – Я хочу знать, что он делает, с кем разговаривает, куда ходит, что ест, чем развлекается. Я хочу знать все.

- То есть я должна стать шпионкой? – спросила я, помедлив. - Но зачем? Ведь он ваш родственник...

- Если я решил, значит, есть причины, - он сказал это таким тоном, что я сразу замолчала.

- Попробуй узнать его тайные мысли и желания. Только молчи, что работаешь по моему приказу. Это одно из условий.

Король все больше удивлял меня, а его просьба все больше беспокоила, потому что одно дело – быть сиделкой, а другое...

- А если родишь ему ребенка, - король Рихард наконец-то соизволил оглянуться, - подарю тебе не только лавандовые поля, но и сундук золота в придачу.

Но щедрость его меня совсем не обрадовала.

- Родить незаконнорожденного от бастарда? Вы за кого меня принимаете? – бросила я ему в лицо.

- А ведь если он тебя захочет, то ты даже не сможешь пожаловаться королю, - поддел меня дракон, мой гнев разозлил его и позабавил. – Ведь король – это я, а я дам ему разрешение делать с тобой все, что заблагорассудится.

- Тогда лучше умереть прямо здесь, - отрезала я.

- Это как ты сама решишь, - он очень нехорошо усмехнулся. - Все зависит от тебя, Лален. Не понравится – всегда можешь прыгнуть в море. Там тебе ни злобных драконов, ни монастырей.

- Вы необыкновенно любезны.

- Просто я думаю не о себе, а о своих родичах, - сказал он, и лицо его вдруг изменилось – стало не таким жестким, и он будто бы стал похож... на обыкновенного человека. - Их жизни для меня важнее всего, и я буду защищать их, чего бы мне это ни стоило.

Его слова не произвели на меня впечатления. Потому что совсем недавно я слышала подобное от своего дядюшки.

- Жаль, что у меня нет родственников, - сказала я сквозь зубы. – Которые думали бы обо мне и не позволили использовать в чужих интересах. Ведь моего отца вы казнили.

- По закону! – загремел король. – Казнил по закону! За мятеж против короны!

Некоторое время мы смотрели друг на друга, стиснув кулаки. Потом я одумалась и отвела глаза.

- Вот и хорошо, - буркнул король. – Значит, договорились, - он помолчал, дожидаясь ответа, а потом повысил голос: - Договорились?

- Да, - выдавила я.

- Значит, решено. Теперь ты молчишь и подчиняешься. Сегодня же мы пойдем к младшему ди Амато, а потом я поговорю с твоим «отцом». Думаю, он будет в восторге. Такая честь...

Скрестив на груди руки, я смотрела на лунное море. Сомнительная честь. И я – всего лишь шахматная фигурка, которую игрок двигает по доске в угоду своим планам. И кому какое дело – срубят меня или я дойду до конца игрового поля. Наверное, король угадал мое состояние, потому что вдруг сказал:

- Я не люблю ночное море. – Оно коварное. Темное. Никогда не знаешь, кто вылезет из глубин. Мне больше по душе, когда закат. Когда солнце тонет в море, море прозрачное – до доньшка. Говорят, последний луч всегда зеленый. Я иногда смотрю на закатное солнце, но ни разу не видел зеленого луча. Мне тоже не везет, Лален, - он подошел ко мне вплотную, и я ощутила его дыхание на плече, с которого полуоторванный рукав свалился почти до локтя. - У меня нет детей, нет наследника, который продолжил бы мое дело.

- Все знают, что драконы прокляты за их злые дела, - сказала я непреклонно.

- Нет, - возразил он, - все дело в женщинах. Это они измельчали. Я не получил ни одной достойной. Была одна, да и та выбрала другого. Но ты мне нравишься...

Я оглянулась, и, наверное, в моих глазах отразился такой ужас, что король хмыкнул и отошел:

- Будь ты породовитее, я бы тебя взял, - сказал он без обиняков. – Но зачем королю дочка каких-то пустородных графов?

- Благодарю вас за это, - сказала я совершенно искренне.

- Не стоит, - ответил он. – Ты же монашка? Лучше помолись, чтобы небеса послали мне плодovitую жену, благородной крови и красотку.

В голосе его сейчас не было властных ноток, а только лишь горечь, и это было еще удивительнее того задания, что он мне поручил.

- По-моему, вы слишком многого хотите, - сказала я, испытывая и жалость, и отвращение к этому бесчувственному и бессердечному животному. – Не в женщинах дело. Пока вы не найдете причины в себе, небеса вам точно не помогут. Скорее, вы увидите зеленый солнечный луч на закате.

Мои слова произвели впечатление. Несколько секунд король смотрел на меня, и глаза его горели такой яростью, что я едва не попятилась, испугавшись, что он убьет меня прямо здесь.

- Я бы тебя утопил тут же, у скал, - сказал король почти ласково, и я вздрогнула, потому что обещание очень походило на правду. – Но жаль терять такого талантливое шпиона.

Значит, все таки шпион...

Вот кем привелось стать дочери графа де Лален.

Сначала прозябание в монастыре, а потом игрушка для дракона. Если лорд Тристан хоть немного похож на старшего брата, мне и правда придется выбирать между позором и смертью.

Разве я не думала, что смерть лучше позора?

Я пересилила себя, подошла к краю и посмотрела с обрыва вниз, где о камни с яростью бились морские волны, вспениваясь белыми шапками.

Гордость и страх за собственную жизнь боролись во мне. Казалось так легко – шагнуть со скалы, и никто больше не посмеет унижить меня. Но это «легко» означает черноту, забвение, холод. Я не верила, что попаду в рай. Я ничего не совершила, чтобы попасть туда, даже в молитвах не была достаточно усердной. Вот так отказаться от жизни, к которой я стремилась три года? От моря, от лавандовых полей?..

- Вы для этого привели меня сюда, ваше величество? – спросила я. – Чтобы припугнуть, а потом отправить шпионить за вашим родственником? Все это можно было сделать и во дворце. К чему было утруждать коней?

- Не только для этого, - король опять приблизился и положил мне на плечо тяжелую, как камень, руку. – Вот там, - он указал вперед, где в море, почти у горизонта, темнела скала, - стоит дом, где живёт мой племянник, и там есть дерево. Если разумеешь что-нибудь, повесь на него в полдень красный шарф.

- Но у меня нет красного шарфа, - покачала я головой.

И тут же мое плечо прикрыла легкая, почти невесомая ткань. Длинный газовый шарф лился с моего плеча до самых колен.

- Теперь есть, - сказал король.

Он прихватил даже красный шарф. Знал, что я не откажусь.

Я медленно стянула с плеча подарок, комкая нежную ткань безо всякой жалости.

- Если договорились, то идем вниз, - сказал король. – А то можешь остаться.

Разумеется, оставаться я не пожелала, и поехала вниз так же, как прибыла сюда – на королевском плече.

[1] Об этих событиях рассказано в романе «Монашка и дракон».

Глава 6. Подарок особого назначения

Слепому лорду Тристану были отведены комнаты на третьем этаже. Здесь не было охраны, и дверь нам с королем открыла Милдрют. Она поклонилась без подобострастия и взглянула на меня недовольно, но повела рукой, приглашая, и король первым прошел в смежную комнату, откинув легкую занавесь, повешанную в дверном проеме.

Я вошла следом и огляделась. В этой комнате все было устроено непривычно, но так, видимо, было удобно хозяину комнаты. Не было столов, стульев и лавок, и даже постель располагалась на полу, а вместо подушки был твердый валик. На постели полулежал лорд Тристан, при нашем появлении он повернул голову на звук шагов, и я вздрогнула, когда его белесые глаза остановились на мне. Он был одет странно, но очень удобно – в белую длинную рубашку, какие одевают, отправляясь спать, но из-под нее виднелись шелковые синие штаны с тесемками у щиколоток. Поверх рубашки был наброшен шелковый халат с длинными широкими рукавами, без пояса. Халат был пурпурный, и этот цвет еще больше подчеркивал странность и необычность и этой комнаты, и этого человека.

- Здесь его величество, - сказала Милдрют, - и одна из невест вашего брата.

- Здравствуй, племянничек, - сказал король и плюхнулся на низкий диванчик напротив постели. – Можешь не вставать, я нанес визит по-родственному, - он тут же сгреб все подушки себе под локоть и указал мне сесть рядом.

Я села, облизнув пересохшие губы.

Непростое дело – предложить сиделкой брату герцога. Как будто он нуждался в сиделке!

- Здравствуйте, дядя, - лорд Тристан кивнул, чуть улыбаясь и глядя перед собой – то есть в пустое пространство между мною и королем.

Улыбка лорда Тристана была совершенно неуловима – вот она притаилась в уголках губ, вот исчезла, а вот опять появилась, обозначив ямочки на щеках. Я поймала себя на мысли, что слишком пристально смотрю на мужчину. Пусть он и слепой – все равно не следует разглядывать его так беззастенчиво. Тем более, Милдрют, заметившая мое внимание, подозрительно прищурилась. Она села прямо на ковер, на пятки, и сложила руки на коленях, ладонями вниз. Все это напоминало какой-то странный ритуал.

- Вы прибыли не один, - продолжал тем временем лорд Тристан. – Милдрют сказала, с вами девушка?

- Изабелла де Корн, - пояснил король и налил в бокал вина, не дожидаясь, пока предложат, и залпом выпил, крикнув от удовольствия. – Привез ее тебе в подарок. Леди умна, благородна, образована, умеет готовить, даже в травах разбирается. Лучшей сиделки не найти. Притом, девица, - добавил он многозначительно. - Если решишь использовать ее не только как сиделку, она будет рада.

Я так и подскочила, но промолчала. Ведь об этом и был уговор – молчать и подчиняться. Милдрют тоже промолчала, но стала красная, как вареный рак, и только лорд Тристан не изменился в лице, удерживая легкую улыбку, да король смотрел на него поверх бокала.

- Это имя мне знакомо, - сказал младший дракон мягко. – Но разве брат выбрал не ее? Мне казалось, девушка очень понравилась Ланчетто, - слово «очень» он выделил особо.

Было ли это намеком на то, как герцог утащил меня, намереваясь изнасиловать? Или лорд Тристан считал, что я сама решила уединиться с герцогом, позволив ему слишком многое?

Король осклабился, как будто похожие мысли посетили и его, и ответил:

- Ланчетто передумал. Сказал, что девица слишком дерзкая, слишком горячая, как норовистая лошадка. А ему некогда ее объезжать. Она и рыжая притом, - король бросил на меня взгляд и усмехнулся. – Сразу видно, что не монашка – огонь!

Я стиснула зубы, чтобы не ответить колкостью. Сидеть вот так и слушать, как тебя расхваливают, словно кобылу на продажу? Пусть даже это король. Я не кобыла, и не подарок. И не монашка.

- Значит, вы решили отдать мне то, что не понадобилось Ланчетто? – спросил лорд Тристан, и что-то в его голосе заставило короля подобраться, как перед схваткой.

- Если честно, я немного его вразумил, – сказал его величество. – Де Корн слишком уж ему понравилась. Но я приберегу ее для тебя.

Мне пришлось призвать на помощь всю свою выдержку, чтобы не встрять в разговор. Но лорд Тристан повернул голову в мою сторону и склонил голову к плечу, прислушиваясь:

- Девушка молчит, – сказал он, – она здесь? Вы говорите так при ней?

- Конечно, здесь, – подтвердил король. – Слышит все от первого до последнего слова. Но не возражает. Она сама просилась к тебе, можешь не волноваться...

- Просилась сама? – перебил его лорд Тристан. – Леди, вы и в самом деле пришли ко мне по собственному желанию?

Король толкнул меня ладонью в плечо, жестами и мимикой подсказывая, что с молчанием пора заканчивать.

Я заставила себя посмотреть в слепые глаза младшего дракона и сказала, стараясь говорить ровно:

- Да, господин, это было мое желание.

- Ваш голос мне знаком, – сказал он и вдруг еле заметно усмехнулся. – Цветочный горшок на балконе, верно?

Я покраснела так быстро и сильно, что король Рихард, заметив это, удивленно поднял брови.

- Это именно та девушка, – вмешалась в разговор Милдрют. – И она же толкнула вас на празднике в честь его величества.

- Совершенно неумышленно, – запротестовала я.

- Успокойтесь, никто вас и не обвиняет, – остановил меня лорд Тристан. – Но почему, леди Изабелла? Насколько мне известно, ваш отец богат, а вы сами, как я слышал, молоды и красивы... Зачем вы здесь? Я прекрасно обхожусь без чужой помощи, за мной присматривает Милдрют, вам нет необходимости быть рядом со слепцом.

Король хотел говорить, но я опередила его.

- Милорд Рихард сказал обо мне много обидного, – сказала я твердо, и королю оставалось только досадливо поморщиться. – Но я не подарок, что бы он вам ни сказал. Я – свободная женщина, и никто не вправе распоряжаться мной. Мое появление здесь – всего лишь уважение и милосердие. Я совсем недавно из монастыря, мой господин, и, увидев вас, была исполнена жалости. Если вы позволите, я стану ухаживать за вами. Я не слишком опытна в подобном, но немного умею готовить и немного знаю травы... – от меня не укрылось, как Милдрют на секунду вскинула на меня взгляд, но тут же снова уставилась в пол. – Надеюсь, мои знания окажутся полезны для вас. Все остальное, о чем было сказано – это против моего желания. Но я надеюсь, что вы – настоящий рыцарь и не причините вреда женщине, которая решила позаботиться о вас.

- По-моему, леди забывается, – сказала Милдрют с откровенным презрением, но я решила не отступать.

- Вы считаете, что мне нечего бояться домогательств мужчин, потому что я недостаточно красива, госпожа Милдрют? – спросила я мягко, копируя интонацию слепого Тристана. – Да, возможно, моя миловидность объясняется лишь моими юными годами, и с возрастом я вовсе утрачу это качество, подобно... большинству женщин, – тут я посмотрела на нее с сочувствием и жалостью, намекая, что мои слова относятся так же и к ней.

Милдрют задохнулась от негодования, король Рихард закусил губу, чтобы не засмеяться, а Тристан склонил голову к плечу, пытаясь понять, почему в разговоре случилась пауза.

- Но мужчины не слишком разборчивы, - продолжала я. - И мне не хотелось бы стать жертвой собственной доброты.

- Подойдите ко мне, пожалуйста, - сказал вдруг лорд Тристан и сел на пятки, совсем как Милдрют. - Я хотел бы знать, как вы выглядите. Надеюсь, моя просьба не покажется вам оскорбительной? Это всего лишь любопытство.

- Надеюсь на ваше благородство, господин, - сказала я и встала на колени перед его постелью.

Он протянул перед собой руку, шаря в воздухе, и я взяла ее и подвела к своему лицу.

- Благодарю, - сказал он тихо.

Пальцы его коснулись моей щеки – быстрые, прохладные. Как будто газовая легкая ткань скользнула по коже. Он огладил мой лоб, провел по носу и бровям, и я закрыла глаза, задев руку мужчины ресницами. Потом он невесомо прочертил по подбородку и коснулся губ. Прикосновения его не были мне противны, как ни удивительно. Они были нежны, деликатны, и я не почувствовала себя униженной.

- Подбородок упрямый, а нос немного толстоват, - сказал лорд Тристан. - Нижняя губа пухлая, но вы так сурово ее поджимаете... Вы не красавица, леди, но весьма милы. И скромны, если считаете, что это всего лишь заслуга юности.

- Да она прехорошенькая, - сказал король, которому надоело ждать. - А фигура у нее – еще лучше. Оцени уже и фигуру, там есть что пощупать.

Я вздрогнула, открывая глаза и готовая отшатнуться, но Тристан опустил руку и сказал:

- Зачем вы оскорбляете ее, дядя? Леди де Корн – девушка, заслуживающая уважения за свое милосердие. Но я не хочу ее жертвы. Мы с Милдрют прекрасно обходимся вдвоем.

Не удержавшись, я взглянула на лицо Милдрют, раздумывая, какие отношения связывают этих двоих. Любовники ли они? Или Милдрют разыгрывает любящую мамочку, пользуясь беспомощностью своего господина? Или, наоборот, он пользуется ее слепой любовью?

- Это – подарок, - сказал король Рихард, как припечатал. - Можешь утопить ее, можешь использовать, как постельную грелку, а можешь поставить на стол и на нее молиться. Она остается. Или у тебя что-то на уме? – последние слова он произнес тише, подавшись вперед и вглядываясь в слепого, словно пытаясь прочесть его мысли.

- Как настойчиво вы предлагаете подарки, ваше величество, - ответил Тристан, даже не переменившись в лице. - Честное слово, дрожь пробивает от вашей щедрости. Хорошо, я понял. Позвольте поблагодарить вас, я с удовольствием приму леди де Корн в качестве личной помощницы.

- Пусть будет личная помощница, - сказал король, поводя плечами. - Все, я и так уже долго с тобой задержался. Меня ждут.

- Попутного ветра вашим парусам, дядюшка, - любезно пожелал на прощанье лорд Тристан. - Милдрют, проводи его величество.

Она замешкалась всего на секунду, бросив в мою сторону настороженный взгляд, чем выдала себя с головой – она не хотела оставлять своего хозяина со мной наедине. Но лорд Тристан сразу обо всем догадался – ему не понадобились ни взгляды, ни слова.

- Не бойся, - сказал он необыкновенно тепло. - Со мной ничего не случится. Если бы дядя хотел избавиться от меня, он не подослал бы ко мне убийцу в женском облики. Он убил бы меня сам.

Я остолбенела от такой откровенности, а король, уже собиравшийся уходить, оглянулся.

- Так и есть, - сказал он. - Поэтому постарайся не дать мне повода, племянничек.

Милдрют ушла проводить короля, и мы со слепым остались вдвоем.

Вскоре я услышала, как заскрипела задвижка – это Милдрют заперла двери изнутри, а потом и сама воинственная дама вернулась. Она даже в альковной обстановке не пожелала сменить привычный мужской наряд на платье. Теперь на ней были просторная белая рубашка, перетянутая в талии кожаным поясом и черные укороченные шаровары – вроде тех, что носили вилланы в окрестностях Анжера. На поясе висел кинжал, а вместо сапог Милдрют надела мягкие остроносые туфли. По сравнению с небрежностью в одежде, обувь вызвала восторг – туфли были сшиты точно по мерке, изящные и удобные, на низком каблуке, с двойной строчкой, с вышивкой в виде гибко переплетавшихся цветов и трав. Я засмотрелась на ее туфли, и вздрогнула, когда Тристан заговорил:

- Оставь нас с леди Изабеллой, будь добра. Мне хотелось бы поговорить с ней наедине.

Я подумала, что драконы всегда говорят лишь о своих желаниях – я хотел, хочу, мне хотелось...

Милдрют ушла с неохотой, но не спорила, и это был еще один пункт в версию, что не она – спасение слепого, а он позволяет ей быть рядом.

Я не знала, куда ушла Милдрют, и была уверена, что она обязательно станет подслушивать, но лорд Тристан заговорил, ничего не опасаясь.

- Вы не обязаны прислуживать мне. Это причуда дяди, я понимаю, - сказал он, снова опираясь локтем на валик-подушку и вытягиваясь на постели. - Как бы вы ни пытались убедить меня в своем монашеском смирении и милосердии, я вам не верю. Вы не хотели приезжать сюда, дядя заставил вас.

Я молчала, потому что лгать ему мне не хотелось. В его присутствии меня охватили трепет и тревога, хотя я пыталась держаться храбро. Вроде бы, он не сделал ничего, чтобы меня напугать, наоборот – даже пошел против короля Рихарда, заступившись за меня. Но всякий раз, когда звучал его голос, или светлые глаза останавливались на мне, на меня накатывал страх. Страх безо всяких причин. Я приписала это естественной брезгливости, которую испытываешь, когда видишь увечных. Возможно, было бы легче, носи он на глазах повязку.

Он правильно понял мое молчание и продолжал:

- Не думаю, что дядя прельстил вас золотом или обещанием другого богатства...

- Нет, - выдавила я. В самом деле, ведь король не обещал мне лавандовые поля – так, намекнул. А от сундука с золотом я сама отказалась. Не надо драконьего золота, если за него надо заплатить человеческой честью.

- Мне кажется, вы не из тех, кого можно купить, - сказал лорд Тристан спокойно. – Но дядя умеет и запугивать. Он угрожал вам? Отвечайте.

- Немного, - сказала я сдержанно. Жаловаться племяннику на дядю? Жаловаться дракону на дракона? Глупее ничего и выкинуть нельзя.

Тристан подождал, но так как я не молчала, снова спросил:

- Это все? Больше ничего не хотите сказать?

- Только одно. Не беспокойтесь обо мне. Здесь я нахожусь по своей воле, сделала этот шаг осознанно и исключительно из милосердия. Прошу принять меня, удовлетворив просьбу его величества. Так не пострадаете ни вы, ни я. Пусть это будет наш маленький договор.

Некоторое время он обдумывал мои слова, а потом медленно кивнул:

- Хорошо, оставайтесь. В моем доме вам не будут угрожать. Поживете, сколько нужно, чтобы дядя забыл о своем решении, и вернетесь к родителям. Отец, наверное, очень переживает о вас. Да и баронесса сходит с ума. Не знаю, какая мать будет рада, отдавая дочь животному.

Мне показалось, он испытывает меня – намеренно говорит о драконах резко, чтобы проверить – буду ли я ругать их. И что значит – в моем доме? Разве он живет не во дворце герцога?..

- Вы так говорите, будто вы - не один из драконов, - сказала я осторожно.

- Я не дракон, - он опять улыбнулся еле заметной, грустной улыбкой. – Не каждый сын дракона становится драконом по природе.

- Это значит, что вы не похожи на вашего брата?

Он чуть повернул голову в мою сторону. Я заметила светло-голубую радужку глаза и невольно вздрогнула.

- Я хочу сказать, что я – не дракон, - пояснил он мягко. – Я – обыкновенный человек, унаследовал кровь своей матери и ни капли крови отца.

- Тем лучше, - тут же сказала я. – В присутствии дракона все чувствуют себя скованно. Теперь я не буду так бояться.

- Вы боялись?

- Конечно. Чего скрывать? Тем более, после слов его величества. Вы позволите начать ухаживать за вами сразу же? Хотите, налью вам вина? – я взяла кувшин, чтобы наполнить бокал, но лорд Тристан покачал головой.

- Вам не надо прислуживать мне, я прекрасно научился жить в согласии со своим недугом. И не наливайте вино в бокал, я пью только из чаш. Это привычка.

Только сейчас я обратила внимание, что на столе стояли две чашки – полусферические, из белого фарфора, расписанного синим. Сначала я приняла их за чашки для сладостей, но теперь разглядела на донце одной из них красную винную лужицу.

- Мне не известны ваши привычки, - сказала я, наливая вино в эту странную чашу. - Может, расскажете, как себя вести, чтобы мое пребывание здесь проходило с пользой для вас?

- Давайте сегодня вы просто отдохнете, - сказал он, и легкая улыбка снова появилась на его губах и пропала. – А завтра уже решим, какую пользу вы сможете принести.

Я быстро взглянула на него, гадая, был ли тайный смысл в его словах.

Но младший брат дракона сидел с самым безмятежным видом. Он пошарил по столешнице, отыскивая чашку, и я, даже не сообразив, что делаю, протянула руку и придвинула чашку к его пальцам. Он коснулся фарфорового края, взял чашку и поднес ее к губам, даже не заметив моего участия.

Глава 7. Подводные течения

- Позовите Милдрют, - попросил лорд Тристан. - Пусть найдет кого-нибудь из слуг, кто принесет ваши вещи. Напишите список, что вам понадобится – завтра мы отплываем рано утром.

- Отплываем? – переспросила я. – Куда же?

- В мой дом. Этот дворец принадлежит моему брату, а я живу совсем в другом месте, и в Анжере всего лишь гость.

Только сейчас я вспомнила слова короля о доме на скале. Значит, это правда – дом посреди моря, где есть дерево, на которое я должна повязать алый шарф, если что-нибудь узнаю. Я машинально потянула концы газовой ткани, подаренной мне королем. Но сейчас этот алый шарф казался мне не подарком, а веревкой, связавшей меня и брата герцога.

- Мой дом стоит на скале, которую местные зовут Драконьими Воротами, - говорил между тем лорд Тристан. - Милях в трех от берега – не слишком далеко, но и не слишком близко. Поэтому лучше сразу возьмите с собой все необходимое. Если на море случится шторм, мы не сможем быстро добраться до большой земли. Мой отец любил проводить там время, а я поселился там, потому что для моего здоровья вреден городской воздух. Врачи советуют покой, тишину, свежесть... Надеюсь, пребывание в моем скромном жилище не покажется вам слишком скучным, - он помолчал и напомнил: - Позовите Милдрют, пожалуйста.

- Да, конечно, - пробормотала я, вышла и оглянулась – Милдрют не было. Мне стало слегка стыдно, что я напрасно заподозрила ее. Воинственная госпожа обнаружилась в соседней комнате – сидела в кресле у письменного стола, забросив ногу на ногу и переплетя пальцы на животе. Она встретила меня очень нелюбезным взглядом, и я сказала, постаравшись улыбнуться как можно приветливее:

- Он зовет вас.

Милдрют сразу же вскочила и стремительно прошла мимо меня, едва не задев плечом. Я вернулась как раз в тот момент, когда лорд Тристан говорил:

- Предоставь леди Изабелле письменные принадлежности, пусть она напишет своему отцу, и поручи передать письмо кому-нибудь из слуг.

- Эта будет ночевать здесь? – спросила Милдрют, совершенно не заботясь, что я все слышу.

- В свете последних событий, ей лучше остаться с нами, - сказал лорд Тристан, а я нахмурилась, пытаюсь понять – не было ли опять в его словах скрытого смысла.

Говорил ли он о возможном недовольстве короля или же понял, с кем его братец уединился во время фейерверка?

- Но леди Изабелле нужны ее вещи. Те же платья, зеркала – что там вы, женщины, любите?

Милдрют хмыкнула:

- На ней платье порвано. Само собой, ей понадобится новое.

Лорд Тристан удивленно приподнял брови, а я испытала неимоверное желание придушить милочку Милдрют. Удержало благоразумие – она была гораздо сильнее меня, да еще и вооружена.

- Порвала рукав, когда гуляла по саду, - сказала я как можно небрежнее.

- Когда гуляла по саду с королем, - в тон мне закончила Милдрют.

Мы с ней обменялись взглядами, и я поняла, что мира в доме на скале не будет. Лорд Тристан кашлянул в кулак.

- Выполни все, как я сказал, - обратился он к Милдрют. – Уже поздно, надо отдохнуть.

- Будет исполнено, господин, - сказала она услужливо. – А вы отдыхайте. Помочь вам раздеться?

- Сначала помоги леди Изабелле.

Милдрют надула губы и мотнула головой, приказывая мне идти за ней. Мы снова прошли в смежную комнату, где Милдрют достала шкатулку с перьями, откупорила чернильницу и швырнула на стол перочинный нож.

- Можете написать письмо, леди, - произнесла она с такой нарочитой вежливостью, что лучше и сказать было нельзя, как я ей неприятна. – Не берите много барахла – лодка не безразмерная. – Будете спать здесь, я принесу вам матрас и одеяло...

- Милдрют, - послышался голос Тристана, - леди будет спать в постели в этой комнате, а мы с тобой прекрасно обойдемся матрасами.

- Хорошо, господин, - почти прошипела Милдрют, - она же неженка, ей нужна постелька, я понимаю.

Мне стало смешно. Что бы сказала госпожа Милочка, узнай она, что в последние три года мне приходилось спать не только на тощих матрасах, набитых соломой, но и на соломе непосредственно, а то и на каменном полу монастырского карцера, на брошенном поверх платье?

Но я только сладко улыбнулась и ответила:

- Вы угадали, госпожа. Я – существо нежное, о котором заботились, которое выращивали, как редкий цветок. Ночь не в постели, на холодном полу, может подорвать мое здоровье, а вы, судя по всему, обладаете счастливым талантом спать где угодно и не замечать никаких неудобств.

Милдрют не нашлась с ответом, но выразила взглядом всю глубину неприязни, после чего удалилась к своему господину, а я приступила к посланию дяде.

«Дорогой папочка! – вывела я, с удовольствием представляя, как перекосит моего дорогого дядюшку, когда он узнает, что птичка упорхнула из силков. – Его Величество король Рихард оказал нашей семье огромную честь, позволив мне стать личной помощницей лорда Тристана ди Амато. Добрый лорд Тристан любезно принял меня, и я прошу без промедления прислать мне мои вещи, потому что завтра утром я уезжаю к нему, и когда король велит оставить мое служение – мне не известно. Сердечно ваша – Изабелла де Корн».

Я сильно сомневалась, что дядюшка расщедрится, но хотя бы пара платьев на смену была нужна. Сейчас я и в самом деле больше походила на оборванку, чем на дочь барона.

Письмо я не запечатала – к чему? Все равно завтра все узнают о том, что король Рихард подарил племяннику игрушку. Погубит ли это мою репутацию? О, несомненно. Но едва ли кто-то станет меня осуждать – укажи король Рихард на любую нежную барышню и потребуй в постель себе или кому-либо из своих драконов, родственники леди, удостоившейся таким вниманием, принесли бы ее на блюде, украсив яблоками и петрушкой, чтобы было вкуснее.

Конечно, лорд Тристан есть меня не станет, но вот насчет остального... Король предоставил ему карт-бланш на пользование мною, и только от его доброты и моей хитрости будет зависеть, как далеко зайдет это пользование. Он, конечно, мил и обходителен, но становиться любовницей сына дракона, который не-дракон, мне совсем не хотелось. Мне вообще не хотелось становиться ничьей любовницей. И женой тоже не хотелось. Слишком живы были воспоминания о королевской тюрьме, где мне пришлось узнать мужчин и некую сторону жизни совсем не с радужной стороны.

Нет, честь моя не пострадала... То есть не пострадало мое тело, а вот душа...

- Письмо готово? – спросила Милдрют, появляясь в дверном проеме.

Я без слов протянула ей лист папируса, она выхватила его, окинула меня взглядом с макушки до пят и исчезла.

- Леди Изабелла, - позвал лорд Тристан, и я заглянула в его комнату, не выходя из-за косяка.

Он стоял рядом с постелью и ждал. Лицо у него было спокойным, даже кротким, и я устыдилась, что думала о нем так же, как о насильнике Ланчетто.

- Я здесь, мой лорд, - сказала я, по-прежнему не выходя из-за косяка.

Тристан повернул голову в мою сторону, и приветливо кивнул:

- Если желаете выкупаться перед сном – ванная комната в вашем распоряжении. Помоему, вход здесь, - он не слишком уверенно махнул на противоположную стену, где виднелась небольшая дверь, полускрытая драпировкой.

- Благодарю, но сегодня я очень устала, предпочитаю сразу лечь спать, - ответила я быстро.

Плескаться голышом в соседней комнате? Нет уж, не заставите.

Про себя я уже решила, что лягу спать в одежде, чтобы быть готовой встретить любые неожиданности, что преподнесет мне драконова семейка.

- Бойтесь? – понял он. – Я же сказал, что вам нечего опасаться. Слепые – они, вообще, не опасны, - он улыбнулся, словно извиняясь. – Отнеситесь к этому, как к не слишком приятному, но необременительному соседству.

- Пока вы ведете себя так деликатно, что мне не в чем вас упрекнуть, - сказала я.

- Надеюсь, Милдрют вам тоже не в чем будет упрекнуть, - он добродушно засмеялся. – Вы сразу не слишком поладили, но не сердитесь – просто она очень предана мне, поэтому и ведет себя настороженно. Милдрют – мой телохранитель.

- Есть необходимость в телохранителе?

- Я же брат герцога, - ответил он, пожимая плечами. – К тому же – беспомощный, как младенец. Чтобы оказать давление на брата меня можно похитить, а потом шантажировать Ланчетто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.